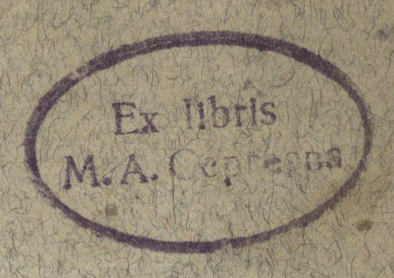
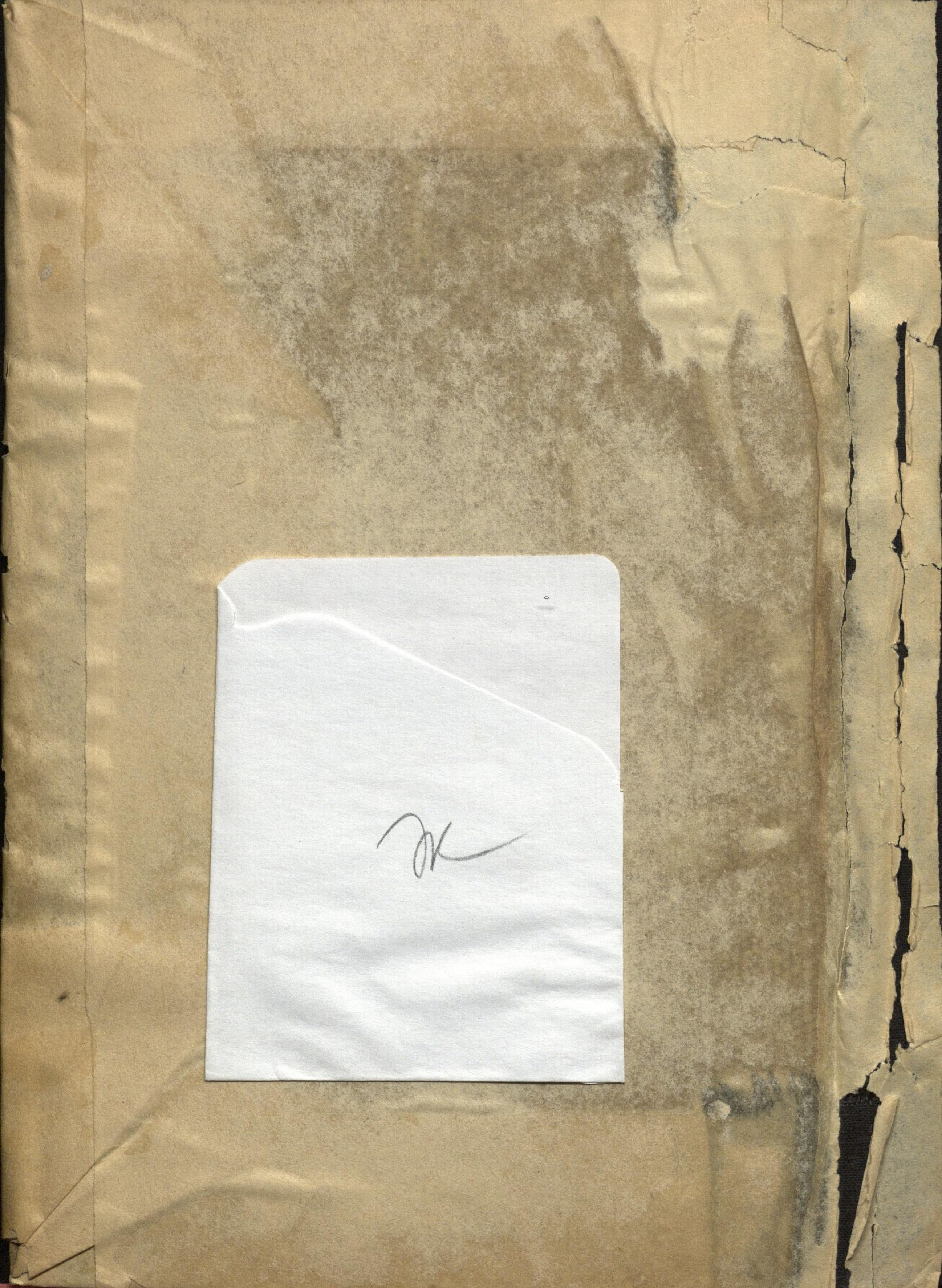
Г. А. Крамаренко.

ПУТЕШЕСТВІЕ
НА
КАМЧАТКУ
И
ОБСЛѢДОВАНІЕ ЕЯ ВЪ РЫБОЛОВНОМЪ ОТНОШЕНІИ

въ 1907 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1908

Его Превосходительству
Харлампію Николаевичу
Хлебникову
Въ знакъ глубокаго уваженія
Отъ Автора

Путешествіе на Камчатку и обслѣдованіе ея въ рыболовномъ отношеніи въ 1907 г.

(Читано въ соединенномъ засѣданіи Отдѣленій Географіи Математической и Географіи Физической И. Р. Г. О. 22 марта 1908 года).

Г. А. Крамаренко.

I.

5 іюня прошлаго 1907 года я выѣхалъ изъ Петербурга, а 18-го былъ во Владивостокѣ; 24-го же отправился на русскомъ почтовомъ суднѣ „Уссури" въ Петропавловскъ, на Камчатку.

27 Іюня пароходъ нашъ пришелъ въ Японскій портъ Хакодате. Здѣсь я встрѣтилъ пароходъ-рефрижераторъ „Романъ", принадлежащій одной русской компаніи, только что организовавшей рыбное предпріятіе на Дальнемъ Востокѣ и намѣревавшейся вывозить оттуда рыбу въ замороженномъ видѣ на рынки Европы. Но увы, съ самаго же начала, русское предпріятіе потерпѣло неудачу. „Романъ" близъ Хакодате наскочилъ на камень и принужденъ былъ идти въ докъ для исправленія, почему и потерялъ сезонъ.

28 іюня снялись изъ Хакодате. Отсюда намъ предстояло 5 сутокъ безостановочнаго плаванія до Петропавловска Великимъ Океаномъ.

За это продолжительное плаваніе я невольно обратилъ вниманіе на разнохарактерность пассажировъ „Уссури". Изъ Владивостока отправилась партія добровольныхъ русскихъ

переселенцевъ—артель эта 10 семейныхъ и 6 холостяковъ, всего 26 душъ съ дѣтьми. Это бывшіе мастеровые Харбина, наслышавшись о богатствахъ Камчатки, составили небольшой капиталъ: съ семейныхъ по 260 руб., а съ холостяковъ по 170 руб. и, закупивъ годовой запасъ продуктовъ, ружья, сѣти, соль и пр., отправились обосноваться на Камчаткѣ. Цѣль ихъ переселенія строго не выливалась въ опредѣленную форму, но одного они не хотѣли: возвращаться къ своей профессіи. Артель эта прежде всего намѣревалась заняться рыбнымъ и пушнымъ промысломъ, попутно же поискать и золото, такъ какъ между ними были и золотоискатели.

По прибытии ихъ въ Петропавловскъ, мѣстная администрація оказала имъ полнѣйшее содѣйствіе и, рекомендовавъ имъ мѣстность, отправила ихъ на р. Жупанову, на Восточномъ побережьи полуострова.

Помимо этой артели, въ числѣ пассажировъ были еще и отдѣльныя лица, которыя направились прямо въ Номъ (на Аляскѣ), въ надеждѣ поискать большихъ заработковъ на американскихъ золотопромышленныхъ пріискахъ. Такихъ эмигрантовъ оказалось до 30 человѣкъ, которые впослѣдствіи благополучно достигли своего пути назначенія.

Изъ Хакодате пароходъ принялъ на бортъ около 50 человѣкъ японцевъ; изъ нихъ было 20 человѣкъ плотниковъ, везшихъ съ собой для сборки срубленныя уже въ Японіи три зданія для прокаженныхъ больныхъ и одно для Петропавловскаго церковнаго причта. Какъ ни странно, но характерный фактъ: вѣдь Уссурійскій край и лѣсомъ богаче Японіи, а японскіе плотники при постройкѣ русскихъ домовъ неопытны, но тѣмъ не менѣе сама жизнь выдвигаетъ на сцену недавнихъ нашихъ враговъ даже въ томъ, въ чемъ преимущества находятся на сторонѣ Русскаго. Причина такого страннаго явленія будетъ выяснена далѣе.

Кромѣ плотниковъ японцевъ, находилось еще нѣсколько человѣкъ рабочихъ рыболововъ и человѣкъ 5 торговцевъ съ своими дешевыми товарами, а одинъ былъ между ними студентъ-ботаникъ. Въ общемъ вся эта группа японцевъ своей сплоченностью и разнородностью профессій производила впечатлѣніе скорѣе торгово-промышленной экспедиціи. При этомъ конечно, нѣкоторые изъ нихъ довольно свободно говорили по-русски.

3-го іюля, въ полдень, „Уссури“ отдалъ якорь у Петропавловска, ошвартовавшись къ вновь устроенной удобной пристани Т-ва Котиковыхъ промысловъ.

Теплый и ясный день придавалъ еще болѣе красоты этому историческому маленькому мѣстечку, расположенному по склону высокой горы, покрытой густымъ, но не крупнымъ лиственнымъ лѣсомъ, преимущественно ольхою и березою.

На берегу прежде всего бросается на глаза красивое деревянное зданіе Городского училища, затѣмъ виднѣется на горкѣ симпатичный домикъ бывшаго промысловаго объѣздчика Сотникова, убитаго въ 1906 г. японцами-рыбаками на рѣкѣ Воровской. Далѣе вы видите двухэтажный деревянный большой домъ больницы. И все это—работа тѣхъ же японскихъ плотниковъ. Захожу въ магазинъ Т-ва Котиковой Компаніи,—прислуга китайцы и корейцы. У другихъ торговцевъ и болѣе зажиточныхъ жителей—тоже. Однимъ словомъ Петропавловскъ, имѣющій населенія около 400 душъ, пестритъ пришлымъ иностраннымъ элементомъ.

Почему же это такъ, невольно задаешься вопросомъ?

А вотъ картинка, разрѣшающая этотъ несложный вопросъ.

У пристани, подъ опрокинутой баржею пріютилось человѣкъ 20 русскихъ людей, прибывшихъ ранѣе меня въ Петропавловскъ съ цѣлью полученія заработковъ.

Обрадованные такимъ появленіемъ мѣстные купцы и населеніе немедленно же обратились, было, къ послѣднимъ съ предложеніемъ труда.

Одни предлагали насыпать уголь въ мѣшки, другіе работать на рыбалкѣ, третьи заготовлять дрова. Предлагаютъ 1 руб. 50 коп. въ день на готовыхъ харчахъ. И что же? „Меньше 3 руб. не пойдемъ“ отвѣчаютъ работоискатели.

Конечно, такая плата оказалась непосильной Петропавловцамъ, почему послѣдніе и предпочли обратиться къ пришлому труду иностранцевъ, а нѣкоторые рѣшили обойтись своими силами. Наши же соотечественники, пролежавъ цѣлый мѣсяцъ подъ баржею, благо рыба для питанія не купленная, со слѣдующимъ рейсомъ отправились, кто обратно во Владивостокъ, а кто на томъ же „Уссури“ — въ г. Номъ.

О гавани Петропавловска я распространяться не буду, она извѣстна. Скажу одно: чудная глубокая и удобная

стоянка во всей Авачинской бухтѣ можетъ вмѣстить не одинъ десятокъ крупныхъ судовъ. Она открыта съ апрѣля до декабря.

Вся Авачинская бухта съ своими небольшими бухточками „Тарьинской“ и „Ковшомъ“ окаймлена также высокими горами, поросшими березникомъ и ольхою. Строевой же лѣсъ здѣсь отсутствуетъ.

Петропавловскъ для населенія Камчатки служитъ портовымъ городомъ. Здѣсь, несмотря на малочисленность населенія, имѣется 5 магазиновъ, изъ которыхъ два — принадлежатъ крупнымъ фирмамъ. Тутъ же имѣется и 4 ренсковыхъ погреба. Торговцы Петропавловска снабжаютъ своими товарами не только окрестныя селенія но и отправляютъ ихъ въ глубь Камчатки. Жители Петропавловска, несмотря на внѣшній видъ ихъ жалкихъ домишекъ, нужды не испытываютъ, такъ какъ почти всѣ занимаются скупомъ пушнины и обмѣномъ ея на товары, съ которыми по первопутку отправляются по разнымъ направленіямъ полуострова, въ мѣста жительства охотниковъ. А такъ какъ главный продуктъ питанія ихъ составляетъ рыба, которой Камчатка богата, то съ этой стороны населеніе всегда можетъ считать себя обезпеченнымъ. Впрочемъ, при ихъ первобытномъ способѣ лова и при присущей имъ лѣни, бываетъ, что они и у рыбы, да безъ рыбы. Но это касается лишь заготовки корма для собакъ, которые служатъ у Камчадаловъ средствами передвиженія зимою.

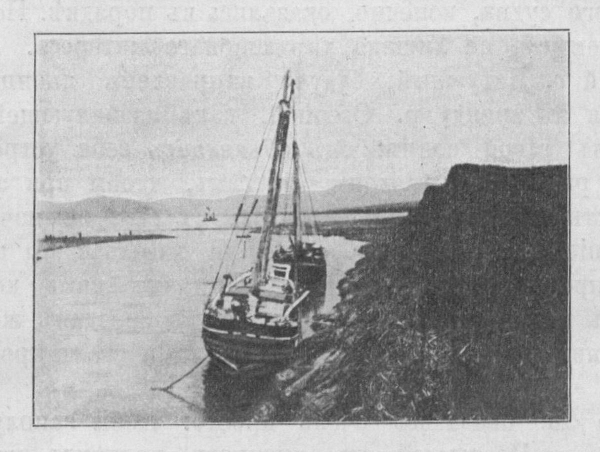
Нельзя было не обратить вниманія, живя нѣсколько дней въ Петропавловскѣ, на полуфутовый слой особаго песку, покрывшаго не только улицы его, но и окрестности на далекія разстоянія. Это было слѣдствіемъ изверженія одного изъ вулкановъ, ночью съ 16 на 17-е марта 1907 г., который при страшныхъ громовыхъ раскатахъ работалъ въ теченіе 4-хъ часовъ, но который именно изъ вулкановъ, до сихъ поръ никто изъ мѣстныхъ жителей не опредѣлилъ, хотя предполагаютъ, что „Асачинская сопка“. Извѣстный знатокъ Камчатки, докторъ Тюшовъ, занятъ теперь изслѣдованіемъ этого вопроса на мѣстѣ.

Когда я прибылъ въ Петропавловскъ, то ходъ рыбы всюду уже начался, и мнѣ хотѣлось осмотрѣть возможно большій районъ полуострова. Съ этою цѣлью я воспользовался любезнымъ предложеніемъ командира канонерской лодки „Манд-

журъ“ барона Радена, обѣщавшаго провезти меня по западному побережью и доставить въ сел. Тигиль.

11 іюля въ полдень „Манджуръ“ обогнулъ мысъ Лопатку, и мы остановились противъ р. Камбальной.

Въ устьѣ этой рѣки стояли двѣ шхуны. Спустили вельботъ, и я, по просьбѣ командира, отправился съ офицеромъ и командой матросовъ къ берегу. Войдя въ рѣку, мы увидѣли брошенные невода съ рыбой, а пріостановленная работа и общій безпорядокъ свидѣтельствовали о присутствіи хищниковъ.

Хищническія японскія шхуны.

Такъ и оказалось. Двѣ японскія шхуны, одна „Такай-Мару“, а другой названіе не помню, забравшись въ рѣку, перегородивъ послѣднюю въ полуверстѣ отъ устья, спѣшили поскорѣе использовать время. А при хорошемъ ходѣ рыбы и при такомъ способѣ ловли достаточно недѣли, чтобы получить полный грузъ рыбы и уйти.

Документовъ при нихъ на право промысла не оказалось, а потому Командиръ „Манджура“, забравъ къ себѣ на бортъ всю команду — 19 человѣкъ японцевъ, шхуны самыя арестовалъ.

Рѣка Камбальная не велика, ширина ея въ устьѣ 15—20 саж., а дальше она становится немного шире; глубина въ устьѣ во время отлива 1—2 фута, а въ приливъ до 7—8 фут. Далѣе же глубина увеличивается, но въ общемъ рѣка не глубокая, имѣющая значеніе лишь для мелкаго промысла.

Рыба шла довольно густо, но исключительно горбуша [1].

На другой день, пройдя нѣсколько часовъ, мы остановились противъ р. Озерной. Верстахъ въ 20-ти отъ нея въ с. Явино, во время минувшей войны, былъ захваченъ мѣстными жителями въ плѣнъ отставной японскій лейтенантъ Гундзи, объявившій, было, тогда Камчатку землею Микадо.

Здѣсь на рейдѣ мы встрѣтили японскій пароходъ, доставившій на р. Озерную, къ арендатору ея, г. Потужному, соль, намѣреваясь въ то же время забрать и рыбу. Документы у парового судна, конечно, оказались въ порядкѣ. Но исторія этого промысла не лишена характернаго интереса.

Нѣкій г. Потужный, будучи направленъ японцами для полученія въ аренду р. Озерной, какъ изобилующей рыбой, придумалъ такой планъ: онъ объявляетъ себя устроителемъ русской рыболовной колоніи съ тѣмъ, чтобы при заселеніи этой мѣстности русскими захватить въ свое исключительное пользованіе эту рѣку. Въ сущности казалось бы въ этомъ ничего предосудительнаго нѣтъ. Но такъ какъ колонисты оказались не такими простаками, то въ серединѣ же сезона между инціаторомъ и его сподвижниками сталъ происходить разладъ.

Дѣло же оказалось очень просто: чтобы заполучить р. Озерную, г. Потужный отъ японцевъ получилъ извѣстную сумму; тѣ же японцы привезли на Озерную два—три домика, а Потужный въ свою очередь за все это обязался сбывать имъ всю пойманную рыбу. Какое участіе въ этомъ принимали русскіе колонисты, я точно не знаю, но въ концѣ концовъ они явились съ жалобами на своего арендатора, и большинство изъ нихъ оставило Камчатку, Потужный же отправился въ Японію.

Рѣка Озерная на западномъ побережьи полуострова принадлежитъ къ одной изъ самыхъ рыбныхъ, изобилуя лососевыми, и не только горбушей, но кетой (хайко) и красной рыбой, а кромѣ того доступна для стоянки парусныхъ судовъ въ 100—150 тоннъ. Окружающая мѣстность гористая, покрытая некрупнымъ лѣсомъ.

---

[1] Камчатка богата главнымъ образомъ лососевыми породами, которыя носятъ мѣстныя названія: „горбуша“, „хайко“ (на Амурѣ—„кета“), „красная“, „кижучъ“, „чавыча“, „семга“.

Отсюда направившись далѣе на сѣверъ, мы вскорѣ встрѣтили транспортъ „Колыму", шедшій изъ Охотскаго побережья въ Петропавловскъ. „Колыма" несла ту же службу, что и „Манджуръ". На нее мы сдали японцевъ, взятыхъ на рѣкѣ Камбальной. Не прошло 4—5 часовъ плаванія отъ Озерной, какъ опять встрѣтили японскую хищническую шхуну „Кояцу-Мару", стоявшую въ морѣ противъ устья небольшой рѣки, „Кошегочекъ". Пріемы тѣ же, что и въ Камбальной. Но рабочихъ на мѣстѣ не оказалось, а капитанъ шхуны категорически отказался отъ всего промысловаго вооруженія и отъ пойманной и засоленой на берегу рыбы, сославшись на то, что его шхуну отъ японскихъ береговъ сюда, будто бы, штормомъ занесло. По осмотрѣ шхуны, командиръ „Манджура" приказалъ всю погруженную рыбу и соль со шхуны выбросить въ море, а самой немедленно убираться.

Такимъ минимумомъ наказанія японецъ - капитанъ былъ очень доволенъ, немедленно исполнивъ приказаніе барона Радена.

Впослѣдствіи, по объясненію другихъ японцевъ оказалось, что это былъ извѣстный хакодатскій хищникъ, и японцы сожалѣли, что на его долю выпало такое сравнительно легкое наказаніе.

Здѣсь на берегу, передъ вечеромъ, мы встрѣтили двухъ странниковъ съ котомками за плечами, напомнившими мнѣ „Счасливцева" и „Несчасливцева", которые оказались колонистами Потужнаго. Они предпочли оставить послѣдняго и отправиться вдоль пустынныхъ дикихъ береговъ Камчатки въ поиски за работой, а въ крайнемъ случаѣ добраться до Петропавловска (это верстъ 300), въ надеждѣ попасть обратно во Владивостокъ.

14-го іюля утромъ „Манджуръ" остановился противъ устья р. Большой. На рейдѣ стоялъ пароходъ рефрижераторъ „Зинобія", зафрахтованный г. Бонди для замораживанія рыбы и перевозки ея въ Англію.

Такое предпріятіе, конечно, не могло меня не заинтересовать, и я съѣхалъ на берегъ.

Нужно замѣтить, что какъ у р. Озерной, такъ и здѣсь, при ясной штилевой погодѣ видны были массы рыбы, но все исключительно горбуша, причемъ у р. Большой наблюдалось

большое количество „снёнки", т.-е. труповъ горбуши, несомыхъ теченіемъ изъ рѣки въ море.

Чѣмъ объяснить подобный фактъ? Результатъ ли вулканическихъ явленій, или рыба просто обмелѣваетъ въ заливахъ рѣкъ и затѣмъ снётъ,—наблюсти мнѣ не пришлось.

Впослѣдствіи я слышалъ отъ г. Бонди, что эти трупы мѣшали успѣху промысла, попадая одновременно въ неводъ съ живой рыбой; „снёнку" приходится отбрасывать, что занимаетъ не мало времени.

Рѣка Большая носитъ такое названіе потому, что она дѣйствительно самая большая изъ всѣхъ рѣкъ западнаго побережья Камчатки. Рѣка течетъ по тундрѣ на довольно большое разстояніе. Лѣса близко нѣтъ. Шириной она въ устьѣ приблизительно, 50—70 саж., а выше—шире. Глубина въ устьѣ во время прилива до 12 фут., что даетъ возможность входа болѣе крупнымъ парусникамъ и мелкимъ паровымъ судамъ. Быстрота же теченія въ устьѣ неимовѣрная: паровой катеръ съ „Зинобія", буксируя нашъ вельботъ, едва-едва могъ войти въ рѣку, гдѣ подъ самымъ берегомъ мы видѣли какъ боролась съ теченіемъ цѣлымъ руномъ полуизнерестившаяся горбуша, которую при желаніи можно было бы съ берега прямо ловить руками.

Г-на Бонди мнѣ пришлось встрѣтить у самаго дѣла, т.-е. у невода, откуда мы вмѣстѣ на катерѣ же и отправились на пароходъ, буксируя на большой шлюпкѣ наловленную горбушу. Конечно, такая перевозка рыбы и такой нѣжной какъ горбуша, при замораживаніи не можетъ дать хорошихъ результатовъ, такъ какъ на тѣлѣ ея и у жабръ являются кровоподтеки, чѣмъ значительно обезцѣнивается самый продуктъ, но я считаю это однимъ изъ техническихъ недочетовъ, свойственныхъ каждому новому дѣлу.

Рабочая сила у г. Бонди были финляндцы, нанятые имъ въ Финляндіи, въ надеждѣ, что этотъ народъ трезвый и добросовѣстный. И что же оказалось? Въ самый разгаръ промысла они забастовали.

Не прими г. Бонди особыхъ мѣръ предосторожности, то дѣло его совсѣмъ бы погибло.

Въ тотъ же день мы встрѣтили еще двѣ японскія шхуны противъ небольшой р. Кихчикъ, оказавшіяся легальными.

15 іюля „Манджуръ" отдалъ якорь противъ р. Компа-

ковой. Здѣсь на рейдѣ стоялъ пароходъ „Чойсанъ-Мару“ и 4 шхуны, а въ самой рѣкѣ виднѣлись еще 7 шхунъ. Всѣ были японскими. По осмотрѣ всѣ суда оказались съ документами, но стоявшимъ шхунамъ въ рѣкѣ командиръ „Манджура“ приказалъ выйти, какъ не имѣющимъ на то разрѣшенія.

Пользуясь отсутствіемъ надзора и не имѣя возможности вслѣдствіе бурной погоды производить ловлю рыбы на снятомъ морскомъ участкѣ, нѣкоторые японцы, будучи въ отчаяніи потерять все, рѣшились втихомолку половить въ рѣкѣ [1]).

Р. Компакова относится также къ лучшимъ рѣкамъ побережья. Шириною она саж. 40—60 и съ довольно глубокимъ устьемъ, дающимъ возможность входа парусникамъ въ 150 тоннъ въ среднемъ. Характеръ же береговъ тотъ же, что и въ р. Большой—тундристый и пустынный.

Рыба сюда идетъ, какъ горбуша, такъ кета и красная. Но въ этомъ году послѣднихъ двухъ видовъ было очень мало.

Къ вечеру того же дня мы продвинулись нѣсколько сѣвернѣе и остановились противъ р. Крутогоровой, въ которой стояли три японскихъ же шхуны. А такъ какъ въ морѣ начало свѣжѣть, то нашъ вельботъ не рискнулъ войти въ устье, опасаясь попасть на мель на барѣ. Поэтому мы пристали прямо къ приглубому морскому берегу, употребивъ всю ловкость, чтобы не быть залитыми волной.

Не успѣли ступить мы на твердую почву, какъ передъ нами предсталъ одѣтый въ шведскую куртку, русскій, среднихъ лѣтъ мужчина, приглашая зайти „обогрѣться“ въ его шатеръ-палатку. Но такъ какъ вечерѣло, да и моросилъ дождикъ, то офицеръ, уклонившись отъ приглашенія, прямо отправился на шхуны, которыя отдѣляла отъ берега моря узкая саж. 40 песчаная кошка, я же пошелъ „обогрѣваться“.

Пройдя шаговъ сто, я увидѣлъ на берегу рѣки палатку, построенную изъ паруса, въ которой находилась женщина

---

[1]) Во время своего пребыванія здѣсь на берегу, я невольно обратилъ вниманіе на особую форму нѣсколькихъ японцевъ-переводчиковъ, одинъ изъ которыхъ отрекомендовался мнѣ такъ: „Цунекичи-Цузи, довѣренный Японскаго Императорскаго Морского Продуктивнаго Акціонернаго Общества“.

Что за Императорское иностранное О-во на русской территоріи и представитель его въ формѣ, я такъ и до сихъ поръ остаюсь въ недоумѣніи.

съ ребенкомъ. Сырая и промозглая погода чувствовалась и въ палаткѣ, несмотря на то, что тамъ находился небольшой каминчикъ-печка. Заинтересовавшись, я сталъ разспрашивать своего любезнаго хозяина. Вотъ что онъ мнѣ разсказалъ: „Наша русская артель состоитъ изъ 30 мужчинъ и 10 женщинъ. У насъ есть рыбаки-специалисты изъ Астрахани. Эти 3 шхуны мы зафрахтовали за 9 тыс. руб. Работаемъ своими силами, намѣреваемся здѣсь обосноваться, хотя впрочемъ наши ребята отправились верстъ за двадцать на сосѣднюю рѣку Облуковину, тамъ, говорятъ, лучше“.

Когда мой собесѣдникъ въ заключеніе мнѣ заявилъ, что у нихъ образованъ якобы артельный капиталъ около 100 тыс. рублей, то я уже понялъ, въ чемъ дѣло и вышелъ посмотрѣть промыселъ. Рядомъ съ палаткой стоялъ японскій шалашъ изъ циновокъ, изъ котораго вышелъ японскій переводчикъ, по случайности, оказавшійся моимъ старымъ знакомымъ по Сахалину. Съ этимъ послѣднимъ, въ присутствіи своего соотечественника, я заговорилъ по-японски, который мнѣ и сообщилъ всю суть этого „русскаго“ дѣла, похожую на исторію Потужнаго.

Фактъ подобнаго добровольнаго переселенія, самъ по себѣ, я думаю, крайне желателенъ, будь то на свои, или на чужія, хотя бы даже и иностранныя деньги, но по ходу дѣла я, признаюсь, опасаюсь, какъ бы въ концѣ концовъ администраціи не пришлось заботиться объ этихъ добродушно довѣрившихся японскому соблазну артеляхъ, тѣмъ болѣе, что они переселились съ женами и дѣтьми.

Рѣка Крутогорова меньше, чѣмъ рѣка Компакова, но доступна для стоянки небольшихъ парусныхъ судовъ. Характеръ побережья ея тотъ же, что и у другихъ рѣкъ, расположенныхъ отъ нея къ югу.

Рыбой она также менѣе богата, чѣмъ предыдущія рѣки. Пригодна лишь для небольшого промысла.

Стемнѣло уже совсѣмъ и засвѣжѣло, когда мы отвалили отъ берега. Съ „Манджура“ нашъ путь освѣщали боевымъ фонаремъ.

Въ виду того, что погода стала плохая, а барометръ все падалъ, командиръ рѣшилъ идти прямо въ Тигиль, такъ какъ на другой день нельзя было разсчитывать высадиться на берегъ. Я лично составилъ себѣ вполнѣ опредѣленное понятіе о ха-

рактерѣ рѣкъ этого района. А о тѣхъ, которые расположены сѣвернѣе р. Крутогоровой, я получилъ достаточно полныя свѣдѣнія. Болѣе заслуживающими вниманія съ промысловой точки зрѣнія сѣвернѣе р. Крутогоровой,—р.р. Облуковина и Ича и менѣе значительны—Сопочная, Морошечная, Бѣлоголовая и Харьюзовая.

17 іюля въ полдень „Манджуръ" отдалъ якорь на рейдѣ с. Тигиль, гдѣ предстояло мнѣ распрощаться съ любезными и гостепріимными офицерами судна.

По пушечному выстрѣлу „Манджура" съ берега пришелъ вельботъ съ „частнымъ командиромъ", т.-е. главой мѣстной власти, и снялъ меня.

Суда здѣсь такъ далеко становятся, что намъ пришлось идти на шестеркѣ, до берега часа два слишкомъ. Рейдъ совершенно открытый, неудобный, почему здѣсь никогда и нельзя разсчитывать на правильную выгрузку или нагрузку. Бывало, что суда стояли недѣлями подъ парами въ ожиданіи тихой погоды.

А такъ какъ помимо отсутствія въ этомъ раіонѣ гаваней, лѣтомъ еще преобладаютъ SW вѣтры, то, поэтому, все морское западное побережье, несмотря на свое обиліе рыбой, находится для промысловаго дѣла не въ особенно благопріятныхъ условіяхъ.

Селеніе Тигиль одно изъ самыхъ большихъ селеній Камчатки, которое находится верстахъ въ 50-ти вверхъ отъ устья рѣки. Здѣсь же на устьѣ находятся два домика Тигильскихъ купцовъ и нѣсколько юртъ. Жители Тигиля сюда спускаются за принятіемъ грузовъ съ судовъ, или для отправки пушнины. Кромѣ того, здѣсь же заготовляютъ себѣ и собакамъ рыбу.

При мнѣ ходъ рыбы былъ не особенно обильный. Рѣка эта хотя и довольно большая, шириною въ устьѣ—саженъ 50—70, но для промысла мало удобна, такъ какъ рейдъ далеко отъ берега, притомъ извилистый фарватеръ и быстрота теченія рѣки—не благопріятствуютъ дѣлу.

Отсюда мнѣ предстоялъ уже болѣе тяжелый путь: 300 вер. слишкомъ вдоль западнаго берега и около 200 верстъ на перерѣзъ Камчатки. Это разстояніе нужно было пройти вьюкомъ на лошадяхъ,

Еще въ Петропавловскѣ, по совѣту доктора Тюшова,

изъѣздившаго по разнымъ направленіямъ Камчатку, я заручился отъ начальника уѣзда магической бумажкой въ нѣсколько строкъ, Эта бумага гласила такъ: „предлагается всѣмъ старостамъ давать такому-то лошадей съ проводниками, за указанные прогоны“.

Казалось бы сухое предписаніе и вполнѣ законное; но безъ этой бумаги, вѣрнѣе безъ печати, приложенной къ предписанію, мнѣ было бы трудно пробраться. Поэтому не разъ я вспоминалъ добрый и практическій совѣтъ уважаемаго Вл. Н. Тюшова.

Передохнувъ дня два въ Тигилѣ, 19 іюля утромъ я тронулся въ путь. На другой сторонѣ рѣки меня ждали 3 лошади, изъ которыхъ—двѣ предназначались подъ меня съ вещами, я одна подъ проводника. Былъ еще одинъ проводникъ но для него не хватило лошади:—„не поймали“, говоритъ. Переѣхавъ чрезъ рѣку, мои молодые спутники завьючили лошадей. Я ѣхалъ въ англійскомъ сѣдлѣ. Проѣхавъ версты 3—4 по песчаному берегу моря, караванъ нашъ поднялся на гору. Это было начало тундристаго пути. Хотя лошади у камчадаловъ и привычны, но по такимъ дорогамъ, вѣрнѣе бездорожью, весьма трудно ѣхать. Лошади ступаютъ съ осторожностью, боясь не завязнуть въ болотѣ. Проводники шли за лошадьми, а я налегкѣ ѣхалъ впереди. Вдругъ вижу, со мною поравнялась одна изъ завьюченныхъ моими вещами лашадей, и что же?—О, ужасъ! Вещи всѣ растерялись по дорогѣ, а развязавшійся портъ-сакъ билъ молодую лошадь по ногамъ, которая съ испуга носилась по тундрѣ. Пришлось остановиться, поймать лошадь и дождаться своихъ спутниковъ. Вещи собрали частью мокрыми, а частью грязными, и направились дальше.

Къ счастію не долго на этотъ разъ пришлось намъ идти тундрой, и вскорѣ, перейдя вбродъ р. Оманину, мы опять выбрались на песчаный берегъ, по которому къ вечеру добрались до маленькой горной рѣчки Лахъ, гдѣ и заночевали.

Съ разсвѣтомъ мы тронулись дальше; мнѣ нельзя было терять времени потому, что баронъ Раденъ съ „Манджуромъ“ чрезъ 2 недѣли предполагалъ быть на восточномъ побережьѣ, обѣщая зайти нарочно за мной въ гавань Карагу, чтобы доставить меня въ бухту Корфа. Только что мы завьючили лошадей и поднялись на гору, какъ вдругъ передъ нами пред-

стали въ нѣсколькихъ шагахъ, освѣщенныя утреннимъ солнцемъ, три лисицы. Но пока мы доставали ружья, ихъ и слѣдъ простылъ.

Весь этотъ день мы шли ущельями, увалами и по тундрѣ, и проходя иногда черезъ корявый березнякъ, все поднимались въ гору. Къ полудню мы достигли вершины горы и оказались въ туманѣ, но спустившись, часа черезъ полтора, опять попали въ ясную полосу. Здѣсь по пути мы встрѣчали куропатокъ, которыхъ я, какъ охотникъ, не оставлялъ безъ вниманія. Къ тому же они улучшали и мое дорожное, неприхотливое меню.

Заночевавъ близъ, р. Оттолона и перебравшись утромъ по отливу вбродъ чрезъ послѣднюю, я замѣтилъ на протяженіи верстъ 2-хъ по направленію отъ р. Оттолона къ р. Ваямполки вдоль берега моря залежи каменнаго угля. Въ этомъ мѣстѣ берегъ обрывистый, высотою 20—30 саженъ, поверхность котораго покрыта тундрой. Пластъ угля мѣстами достигаетъ толщины отъ 1 до 3-хъ саж., онъ расположенъ большею частью у подножія обрыва, т.-е. на глубинѣ 20—25 саж. Уголь этотъ молодой, а потому и непригодный для эксплоатаціи.

21-го числа въ полдень прибыли на устье р. Ваямполки. За это время мы прошли 130 верстъ, т.-е. разстояніе вполнѣ приличное для 2-хъ съ половиной дневнаго перехода по топкимъ тундрамъ.

Не успѣлъ я подъѣхать къ японскому промысловому балагану, расположенному на берегу моря въ 2-хъ верстахъ не доходя до устья рѣки, какъ тотчасъ же была отправлена „летучая почта", напомнившая мнѣ японскіе пріемы еще на Сахалинѣ. А дѣло заключалось вотъ въ чемъ: въ рѣкѣ, т.-е. въ недозволенномъ мѣстѣ, стояли двѣ шхуны. Японцы меня приняли за представителя промысловаго надзора и поэтому немедленно къ шхунамъ командировали нарочнаго съ необходимыми распоряженіями. Нужно было видѣть, какъ этотъ несчастный японецъ бѣжалъ. Страхъ его еще болѣе усилился, когда я догналъ его на лошади и направился не къ селенію, а прямо къ шхунамъ. Я, конечно, зналъ въ чемъ дѣло, но меня интересовалъ самый переполохъ японцевъ, которые, увидѣвъ всадника и бѣгущаго японца, всѣмъ рабочимъ комплектомъ на двухъ „кунгасахъ" (большихъ рыболовныхъ лодкахъ) спѣшно

погрузили невода и, оставивъ рѣку, выѣхали къ своимъ морскимъ участкамъ. А такъ какъ юрты мѣстныхъ жителей находились отъ шхунъ на разстояніи 100—150 саженъ, то я, не доѣхавши совсѣмъ до японской стоянки, свернулъ къ юртамъ. Только что я разсѣдлалъ коня, какъ подошелъ и мой маленькій караванъ. Погода стояла ясная и тихая. Принялись разставлять палатку. А тѣмъ временемъ вышелъ изъ юрты ваямпольскій староста Иванъ Лазыковъ, солидный на видъ и внушающій къ себѣ уваженіе. Это типъ, такъ сказать, полукамчадала. Онъ и по-русски довольно хорошо говоритъ. Одежда его была новенькая, триковая, *японской работы*, сверху же одѣто суконное пальто, украшенное серебряной нагрудной медалью за „усердіе“ и значкомъ старосты.

Староста и байдара.

Обмѣнявшись привѣтствіями и предъявивъ свое предписаніе, я просилъ къ утру слѣдующаго дня приготовить мнѣ новую смѣну лошадей.

Чтеніе предписанія собравшимся населеніемъ представляло тоже своего рода картину. Неграмотный староста, не торопясь, развернулъ мою бумагу и, вызвавъ изъ толпы камчадаловъ одного молодого парня, заставилъ его читать. Чтеніе началось съ бланка и номера бумаги, затѣмъ перешло на за-

головокъ, а по окончаніи этой процедуры староста началъ величественно вертѣть бумагу и разсматривать печать.

Разбивъ палатку и расчитавшись съ проводниками, я принялся за чаепитіе, пригласивъ старосту и своихъ проводниковъ.

Не заводя разговора о присутствіи японцевъ въ рѣкѣ, мнѣ однако не долго пришлось ожидать этой темы. Староста самъ заявилъ мнѣ, что японцы имъ, камчадаламъ, не мѣшаютъ ловить. Еще бы! подумалъ я. Это обычный ихъ пріемъ: подкупъ населенія въ лицѣ старосты. Характеръ же того мѣста рѣки, гдѣ стояли шхуны, достаточно свидѣтельствовалъ о своихъ преимуществахъ для устройства тони, которая, какъ тутъ же выяснилось, использовалась прежде самимъ населеніемъ. Но у японцевъ въ такихъ случаяхъ есть магическая для инородцевъ сила:—спиртъ, блестящія бездѣлушки и умѣлое, мягкое обращеніе.

Такъ какъ это дѣло до меня не касалось, то я и ограничился лишь однимъ совѣтомъ старостѣ: такъ какъ японцамъ въ рѣкахъ ловить рыбу не разрѣшается, то пусть сами жители используютъ это право съ тѣмъ, чтобы на хорошемъ мѣстѣ побольше наловить рыбы и продать ее тѣмъ же японцамъ.

Вскорѣ у моей палатки появилась цѣлая группа японцевъ. Вдругъ одинъ заговорилъ по-русски и спрашиваетъ меня: „Вы не г-нъ ли Крамаренко съ Сахалина?“ Оказалось, японецъ этотъ долгое время жилъ въ посту Корсаковскомъ у японскаго консула въ качествѣ лакея и поэтому узналъ меня. Тамъ онъ научился хорошо говорить, читать и писать по-русски, а во время войны былъ переводчикомъ въ одномъ изъ отрядовъ; теперь онъ устроился въ той же роли у японскихъ рыбопромышленниковъ.

Въ средѣ группы японцевъ оказался молодой докторъ, пріѣхавшій съ рыболовами изъ Японіи. Докторъ этотъ успѣлъ уже оказать рядъ услугъ по своей спеціальности мѣстному захудалому, болѣзненному и, можно сказать, вымирающему населенію, такъ какъ русская ближайшая медицинская помощь, въ лицѣ фельдшера, находится отсюда въ разстояніи, примѣрно, 140 верстъ въ с. Тигилѣ.

Этотъ же докторъ-японецъ успѣлъ уже съѣздить въ с. Тигиль которое настолько облюбовалъ, что намѣревался даже тамъ остаться на зиму.

Излишне говорить о томъ, насколько онъ былъ бы поле-

зенъ тамошнимъ жителямъ, которые были ранѣе вынуждены довольствоваться лишь фельдшерскими услугами. А такъ какъ селеніе это большое и зажиточное, то и докторъ сейчасъ же все это учелъ.

Да что говорить о докторѣ-японцѣ, когда тамъ уже живутъ два его соотечественника, захваченные камчадалами во время войны въ качествѣ плѣнныхъ въ той же рѣкѣ Ваямполкѣ съ японской промысловой шхуны.

Бывшіе ранѣе Сашо Савакичи и Ито Канзо, а нынѣ выкрестившіеся и назвавшіеся Николаемъ Крыжановскимъ и Кирилломъ Юшинымъ, прекрасно себя тамъ чувствуютъ, намѣреваются жениться на мѣстныхъ особахъ прекраснаго пола и не желаютъ, по ихъ словамъ, возвращаться въ Японію. Живутъ они въ качествѣ работниковъ у мѣстныхъ купцовъ, которые за ихъ трудолюбіе и способность вполнѣ ими довольны.

Рѣка Ваямполка немного меньше р. Тигиля. По увѣренію населенія и японцевъ, въ прошлые годы она была богата рыбой, но въ этомъ—рыбы почти не было. Съ правой стороны устья эта рѣка утесистая, а съ лѣвой—плоская. Селеніе стоитъ далеко вверхъ по рѣкѣ, а на устьѣ только „лѣтники“ [1]). За рыбой въ устье входитъ много нерпъ и бѣлухъ, но промысломъ на нихъ никто не занимается, за исключеніемъ мѣстнаго населенія и только для своихъ нуждъ. Глубина рѣки позволяетъ входить парусным судамъ въ 150 тоннъ въ среднемъ, но съ осторожностью на барѣ.

Рыба здѣсь ловится преимущественно „кэта“ (хайко) и голецъ, а осенью „кижучъ“, послѣдняго впрочемъ не особенно много.

Утромъ на другой день двинувшись дальше, къ вечеру мы уже были въ с. Кахтаны. Дорога шла все время песчанымъ берегомъ, по отливу, ровная какъ полотно. Здѣсь на полдорогѣ предстоялъ бродъ черезъ р. Ургу, но мы, къ счастію, попали туда въ самый полный отливъ. Иначе бы не перебраться. На привалѣ, пока мои спутники варили чай, я успѣлъ прекрасно поохотиться. Куропатки опять стаями разгуливали около насъ, а утки тутъ же на тундристыхъ болотцахъ настолько были мало пугливы, что ни выстрѣла, ни охотника не боялись.

---

[1]) Лѣтнія промысловыя юрты для заготовки рыбы.

Рѣка Кохтана не велика, 15—20 саж. шириною, но быстра, а мѣстами порожиста. Селеніе отъ устья находится верстахъ въ 5, и чтобы добраться до него, намъ пришлось чуть не все время идти бродомъ черезъ массу рукавовъ этой маленькой рѣки, соединяющихся въ устьѣ въ одинъ. Къ этому безконечному броду необходимо еще прибавить встрѣчающуюся по пути топкую болотистую тундру.

Селеніе Кохтаны маленькое и жалкое. Жители также. Но такъ какъ травы здѣсь хорошія, то въ селеніи имѣется до 49 шт. рогатаго скота и 4 лошади.

Промысловаго значенія эта рѣка не имѣетъ, хотя рыба здѣсь ловится та же, что и въ Ваямполкѣ.

Переночевавъ, на утро направились далѣе къ с. Палана. Послѣ часового пути по горамъ и тундрамъ мы выбрались на гладкій песчаный берегъ, гдѣ при полномъ отливѣ и при ясной погодѣ переѣздъ, на протяженіи вер. 15, доставилъ мнѣ одно удовольствіе, и къ полдню мы уже достигли устья небольшой рѣчки „Пяти братьевъ". Зато отсюда $5^1/_2$ часовъ безпрерывнаго пути, то по горамъ, то по болотистымъ тундрамъ, такъ меня утомили, что я еле-еле доѣхалъ до с. Палана.

Рѣка Палана небольшая, но считается рыбной. Входъ шхунамъ въ нее недоступенъ вслѣдствіе неровнаго и въ устьѣ каменистаго дна. Характеренъ видъ этой рѣки и окружающей ея мѣстности.

Остановился здѣсь я у мѣстнаго старожила — купца Косыгина, который въ Паланѣ живетъ безвыѣздно уже 30 лѣтъ и отъ котораго я много позаимствовалъ относительно времени появленія разной рыбы—не только въ р. Паланѣ, но и по всей Камчаткѣ. Косыгину лѣтъ подъ 70; родился онъ въ Петропавловскѣ и всю жизнь прожилъ въ Камчаткѣ. Фамилія эта тамъ весьма распространенна, насчитывающая до 70 слишкомъ душъ обоего пола.

Не успѣлъ я вымыться съ дороги, какъ вошелъ мѣстный священникъ. Узнавъ, что въ селеніе пріѣхалъ кто-то новый человѣкъ, о. Николай пришелъ справиться,—нѣтъ ли почты? Съ нимъ мнѣ впослѣдствіи пришлось продолжать свой путь, и за дорогу я вынесъ о немъ самое лучшее впечатлѣніе. Личность весьма симпатичная и энергичная. Происхожденія о. Николай камчадальскаго, учился въ с. Тигилѣ; 24 года пробылъ псаломщикомъ, а средства къ жизни добывалъ охо-

той. Епархіальное начальство обратило на него вниманіе и въ 1902 г. посвятило въ священники. Населеніе его уважаетъ; языки и духъ мѣстныхъ инородцевъ онъ прекрасно знаетъ; о паствѣ своей печется; самъ довольствуется чуть ли не 10 — 15 руб. мѣсячнаго жалованья, имѣя семью въ 6 душъ. Но несмотря однако на его теплое отношеніе къ

Отецъ Николай съ семьей.

мѣстному населенію, о. Николай самъ сознается, что этотъ народъ чрезвычайно лѣнивъ и туго поддается культурѣ. Поэтому желанія его пріучить жителей къ лучшему уходу за скотомъ и огородничеству остаются почти безплодными. Между тѣмъ травы тамъ прекрасныя, да и почва для огородовъ подходящая, въ особенности подъ картофель. Я самъ видѣлъ не полотые огороды и ѣлъ ихъ картофель, который нисколько не отличается отъ здѣшняго.

На другой день утромъ я занялся ознакомленіемъ съ мѣстною рыбною ловлею. Съѣздилъ „на запоры" и при мнѣ въ „морду" попала „чавыча" (King Salmon), вѣсомъ 39 фунт., а длиною 92 сант.

Увидѣвъ такое орудіе рыболовства, насквозь перегораживающее рѣку въ теченіе цѣлаго лѣта и недопускающее рыбу въ верховья для нереста, я невольно задумался надъ тѣми

правилами, которыя примѣняются къ промышленникамъ, а именно: имѣть неводъ въ треть рѣки, не закидывать второго ранѣе, чѣмъ не будетъ протоненъ первый, опредѣленныя раз-

Запоры.

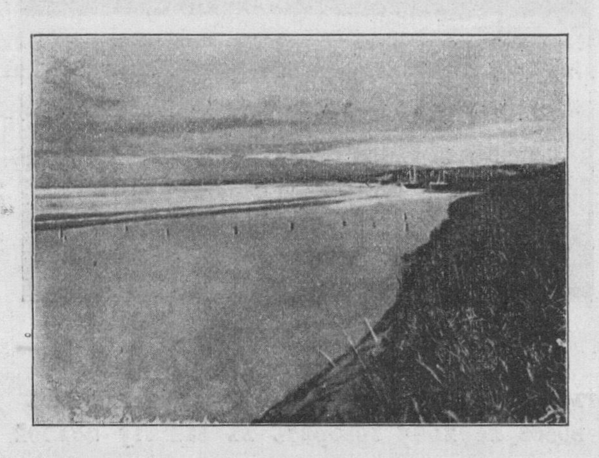
стоянія отъ тони до тони и т. п. ограниченія. Въ данномъ случаѣ я вовсе не хочу говорить въ защиту полной свободы

Морда.

рыболовства; вопросъ этотъ спеціальный. Но мнѣ хочется указать на мѣстный способъ лова, какъ на весьма вредный для сохраненія рыбныхъ богатствъ страны. Это по-истинѣ

хищническій способъ добычи рыбы и ничуть не лучше японскаго, а даже хуже; разница между ними только въ томъ, что японцы, или вообще промышленники, если нѣтъ надзора, преградятъ рѣку сѣтью на недѣлю, на двѣ, — наловятъ рыбы и снимутъ, дабы не оставить слѣдовъ, тогда какъ „запоры“ все лѣто стоятъ неподвижными, убираются же они въ случаѣ поднятія воды въ рѣкѣ отъ дождя, или по окончаніи промысла.

Японскій запоръ.

Хотя р. Палана и считается рыбной, но въ этомъ году ея такъ было мало, что три японскія шхуны, проловившія на морскихъ участкахъ въ теченіе 10 дней въ самый разгаръ сезона, ушли совершенно пустыми.

Жителей въ с. Палана около 200 душъ, но работниковъ не болѣе 30.

Въ вершинѣ рѣки имѣется тополевый и тальниковый лѣсъ, толщиною 4—5 вершк. въ среднемъ, изъ котораго жители и строятъ дома.

Породы рыбъ въ р. Паланѣ слѣдующія: чавыча (но не много), хайко, красная и голецъ. Приливы здѣсь доходятъ до 20 фут. и болѣе.

Передохнувъ сутки въ с. Палана, 26 іюля я двинулся далѣе. Отсюда къ моему каравану присоединились о. Николай съ подросткомъ сыномъ и сынъ торговца Косыгина. Первому требовалось въ одной изъ инородческихъ юртъ, въ 130 вер-

стахъ отъ сел. Палана, окрестить ребенка, а второй отправился собирать долги.

Такъ какъ я хотѣлъ по пути поохотиться на медвѣдя, то спутники мои приняли это къ свѣдѣнію и направились одной изъ тѣхъ трехъ дорогъ, по которой разсчитывали встрѣтить звѣря. А о. Николай захватилъ съ собой для этого особую звѣровую собаку ламутской породы, которая не боится преслѣдовать раненаго медвѣдя.

Съ утра погода намъ благопріятствовала. Путь лежалъ въ гору, поросшую березой и ольхою. Дороги абсолютно никакой не было. Часа черезъ три мы были на вершинѣ горы, съ которой открывался чудный видъ на долину, освѣщенную утреннимъ солнцемъ. Пока устраивали привалъ и мои спутники подвьючивали лошадей и курили, я, тѣмъ временемъ разгуливая по скалистой вершинѣ, весь отдался созерцанію природы. Невольно я подумалъ: „Чѣмъ же наша Камчатка хуже Швейцаріи!“

Отсюда дорога у насъ пошла тундрою. Спускаясь съ горы, опять встрѣтили нѣсколько стай куропатокъ. Къ полудню мы выбрались на гладкую и топкую тундру. Началъ моросить дождь. Впечатлѣніе рѣзко измѣнилось: Швейцарія забылась, а Камчатка предстала во всей своей красѣ. Лошади мѣстами тонули по брюхо, падали, и сѣдокъ съ ними, конечно, тоже. Но въ Камчаткѣ съ этимъ считаться не приходится. Упадешь, вымокнешь, поможешь лошади выкарабкаться изъ пучины и опять сядешь. Внезапное сообщеніе одного изъ проводниковъ сразу заставило меня забыть всю невзгоду путешествія и погрузиться въ разговоръ о. Николая съ проводникомъ. Поровнявшись съ ихъ лошадьми и слѣдуя все впередъ и впередъ, я узнаю, что впереди насъ, по склону горы изъ кедровника къ рѣчкѣ спускается медвѣдь. Привязавъ лошадей и доставъ ружья, мы начали-было „скрадывать“ звѣря. Но вдругъ лошади заржали, медвѣдь услышалъ и повернулъ обратно въ кедровникъ. Поѣхали дальше. Не прошло четверти часа, какъ о. Николай показываетъ мнѣ на другую медвѣдицу, разгуливающую съ двумя медвѣжатами вдали отъ насъ по склону горы, покрытой ягодой „голубикой“. На этотъ разъ намъ также не удалось близко „скрасть“; вѣтеръ былъ отъ насъ, и звѣри, потянувъ носомъ, тотчасъ же направились въ кедровникъ. Мы пробовали было стрѣлять, но безрезуль-

татно. Проѣхавъ еще съ полчаса вдоль кустарника, о. Николай вдругъ быстро соскочилъ съ лошади и знакомъ руки приказалъ намъ остановиться. Соскочилъ и я. Тутъ я увидѣлъ изъ-за кустарника, какъ на противоположной сторонѣ рѣчки, саженяхъ въ ста отъ насъ, спокойно разгуливаютъ 4 громадныхъ медвѣдя, изъ которыхъ я тутъ же одного и убилъ.

Трофеи дотащили до палатки, сняли шкуру, высушились и принялись за празднованіе удачной охоты, а на утро отправились далѣе.

Къ полудню мы были уже у с. Кинкиля. Дорога сюда шла черезъ два хребта и вдоль небольшого притока р. Кинкиля, мѣстами ущельями, поросшими густымъ шаломайникомъ—родъ колоссальнаго лопуха, ростомъ выше человѣческаго—и кустарникомъ. Въ с. Кинкилѣ жителей мы не нашли: они были на „лѣтникѣ", т.-е. на устьѣ рѣки, въ юртахъ, гдѣ заготовляли рыбу. Постройки въ Кинкилѣ жалкія, полуразрушенныя; тамъ же есть и часовенка, но тоже въ такомъ видѣ. Рыбы въ р. Кинкилѣ мало, но зато травы опять таки превосходныя, что даетъ возможность жителямъ легко имѣть скотоводство. Поэтому они, несмотря на свою лѣнь и неподвижность, имѣютъ достаточное количество рогатаго скота.

Не останавливаясь въ Кинкилѣ и направившись далѣе на сѣверъ по прекрасной гладкой песчаной дорогѣ вдоль морского берега, въ 4½ часа дня мы уже прибыли въ с. Лѣсное.

Селеніе это небольшое. Жители еще болѣе захудалые, болѣзненные. Избы наполнены дымомъ; окна, вмѣсто стеколъ, затянуты рыбьей кожей. Все это взятое вмѣстѣ, съ суровыми климатическими условіями и полнымъ отсутствіемъ культурнаго сосѣдства, невольно ставитъ этихъ аборигеновъ въ положеніе дикарей. Къ тому же обычныя болѣзни: ревматизмъ и сифилисъ окончательно доканчиваютъ ихъ. А медицинскій ближайшій персоналъ, въ лицѣ фельдшера, находится отсюда въ 300 вер., въ с. Тигилѣ, не говоря уже о докторѣ, резиденція котораго въ Петропавловскѣ и который имѣетъ возможность только одинъ разъ въ годъ, зимою, объѣзжать свой округъ.

Лѣсная,—быстрая рѣчка. Она имѣетъ порядочное количество рыбы хайко; для населенія достаточно, но промысловаго значенія не заслуживаетъ, хотя считается болѣе рыбной, чѣмъ р. Кинкиль.

Верстахъ въ 20 отъ с. Лѣсного въ глубь полуострова находится стойбище оленнаго кочевника Ефрема, у котораго о. Николаю предстояло выполнить обрядъ крещенія надъ ребенкомъ.

По дорогѣ сюда я обратилъ особенное вниманіе на сборъ моими проводниками мухоморовъ. При каждомъ появленіи гриба камчадалы соскакивали съ лошадей и съ жадностью срывали. Меня это, конечно, не мало удивляло и я пробовалъ-было увѣрять своихъ спутниковъ, что мухоморы ядовитые, но они не обращали на это вниманія. Наконецъ я заинтересовался и спросилъ, для чего они ихъ собираютъ: „водка изъ нихъ, говорятъ, хорошая". Оказывается, алкоголизмъ этого вымирающаго населенія дошелъ до того, что, за отсутствіемъ спирта, они прибѣгаютъ къ приготовленію мухоморнаго дурмана, употребленіе котораго при неосторожности иногда кончается и смертью. За мухоморами ежегодно приходятъ сюда кочующіе сѣверо-восточные обитатели—коряки и чукчи, а такъ какъ въ ихъ мѣстности этого продукта почти нѣтъ, то они его и вымѣниваютъ здѣсь на пушнину. Ѣдятъ ихъ эти дикари также въ сыромъ и въ вареномъ видѣ.

27-го іюля часовъ въ 10 утра мы прибыли къ кочевью Ефрема. Лѣтъ 75 старикъ, Ефремъ, довольно еще бодрый, съ особымъ вниманіемъ встрѣтилъ о. Николая. Пока намъ ставили палатку, священникъ распорядился приготовиться къ обряду крещенія, а самъ, не дожидаясь услугъ, досталъ изъ переметной сумы бѣлый свертокъ съ крестомъ и облаченіемъ и направился въ юрту.

Заинтересовавшись, я тоже пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Конусообразная просторная юрта, обтянутая замшей изъ оленьихъ кожъ и устланная елочными вѣтвями, вмѣщала въ себѣ жилище цѣлой семьи Ефрема, съ двумя его женатыми сыновьями и ихъ дѣтьми. Передъ привѣшаннымъ къ жерди образомъ - складнемъ зажгли восковую свѣчу. На скамьѣ, покрытой чистой тряпочкой, поставили глиняную миску съ водой, у которой также зажгли три свѣчи. Изъ сосѣдней юрты пришли переодѣтыми въ чистую праздничную одежду кумъ и кума. Развернувъ свертокъ и доставъ крестъ и Евангеліе, о. Николай облачился въ Епитрахиль и приступилъ къ великому христіанскому обряду. Краткая и прочувствованная служба моего спутника въ этотъ моментъ на меня такъ по-

дѣйствовала, что я, забывъ эту своеобразную обстановку, совершенно проникся чувствомъ глубокаго благоговѣнія. Вотъ истинный миссіонеръ, подумалъ я.

По окончаніи крещенія Ефремъ угостилъ насъ вареннымъ мясомъ горнаго барана.

Отсюда мнѣ оставалось вьючнаго и самаго труднаго пути еще около 150 верстъ. Предстояло перевалить на восточное побережье, въ гав. Карагу. Путь этотъ, кромѣ Ефрема, мало кто хорошо знаетъ. Поэтому по просьбѣ моей и о. Николая, старикъ согласился меня сопровождать.

28 іюля, рано напившись чаю, и разставшись сердечно и съ сожалѣніемъ съ о. Николаемъ, мы тронулись въ путь. Съ утра ясная погода поддерживала радостное настроеніе. Караванъ мой теперь состоялъ изъ Ефрема и еще двухъ проводниковъ: Ивана и Данилы, говоруна и юмориста.

Часа два намъ пришлось идти по топкой тундрѣ, постепенно дѣлая подъемъ къ хребтамъ и переходя частые броды извилистой р. Лѣсной. Послѣ 6-часоваго пути мы остановились „чаевать"; мѣстность, выбранная для привала моими проводниками, не лишена поэзіи. А пока варился чай и жарились на вертелѣ, вѣрнѣе говоря на палкѣ, куропатка и чирокъ, я спустился подъ увалъ къ рѣчкѣ, чтобы полюбоваться водопадомъ.

Рѣка Лѣсная течетъ въ берегахъ, поросшихъ тополемъ, березой и тальникомъ, по горамъ же всюду ползучій кедровникъ.

Къ концу завтрака началъ моросить дождь, и мы быстро собрались дальше. Опять начались тундра и частые броды. Вскорѣ Иванъ увидѣлъ, на ягодѣ впереди насъ, медвѣдя, но „скрасть" мнѣ его не удалось: звѣрь почуялъ и ушелъ. Усилившійся дождь заставилъ насъ раньше времени расположиться на ночлегъ. Каюровъ, т.-е. проводниковъ, я и на этотъ разъ помѣстилъ въ своей палаткѣ. Я страшно любилъ слушать разсказы, бывало еще на Сахалинѣ, айновъ, гиляковъ и орочень, а здѣсь камчадаловъ, объ образѣ ихъ жизни, о путешественникахъ, объ охотѣ и т. п. Такія бесѣды усиливали впечатлѣнія еще болѣе тогда, когда отъ непогоды спозаранку заберешься въ палатку и, продрогшій отъ дождя, переодѣвшись въ сухое платье, слушаешь и чаемъ согрѣваешься. А дождь стучитъ о палатку немилосердно. На утро дождь все не переставалъ; но часамъ къ 9-ти подулъ сѣвер-

ный вѣтеръ и погода смѣнилась густымъ туманомъ съ изморозью, который вскорѣ, однако, пронесло. Часть вещей нашихъ оказались подмоченными, а потому пришлось у костра просушиваться.

Къ 3-мъ часамъ дня 29-го мы приближались уже къ вершинѣ хребта, и Ефремъ объявилъ, что мы должны остановиться теперь, такъ какъ выше дровъ не найдется, а перевалить къ вечеру не успѣешь. Дѣйствительно, далѣе шли одни голыя скалы, мѣстами покрытыя нестаявшимъ снѣгомъ.

Погода была ясная. Мы остановились, и тутъ намъ удалось досушить на солнцѣ свои вещи. Температура воздуха по Цельсію 9°, а вода въ рѣчкѣ 6°. Эта мѣстность оказалась царствомъ бѣлыхъ грибовъ, и я въ жизни нигдѣ не видѣлъ ихъ въ такой массѣ, и такъ какъ готовился обѣдъ, то къ супу изъ утки я добавилъ второе блюдо—тушеные грибы.

Свѣтлаго времени еще оставалось достаточно, хотѣлось бы поохотиться на горныхъ барановъ, обитающихъ въ здѣшнихъ скалахъ, но долгія наблюденія Ефрема въ мой бинокль остались безрезультатными. Барановъ не было видно.

30 іюля я проснулся въ 5 ч., а каюры уже чай пьютъ. Ночь была холодная; одѣтый въ верхнее платье я спалъ на оленьей кожѣ подъ одѣяломъ и подъ буркой въ палаткѣ и все-таки прозябъ. Температура утромъ была + 5,5, а вода + 3 Ц. Хотя ночь и была ясная, но утромъ стало опять заволакивать. Собрались дальше. Черезъ часъ потянулись голыя горы съ утесами, а еще черезъ часъ намъ пришлось переѣзжать черезъ вѣчные снѣга.

Въ 9 час. 30 м. утра мы приблизились къ самой вершинѣ р. Лѣсной, которая вытекаетъ изъ двухъ маленькихъ озеръ, въ діаметрѣ 20—30 саж., съ глубиною 1—3 фута. Здѣсь я видѣлъ небольшихъ рыбокъ; судя по формѣ—молодая форель размѣромъ 2—3 вершка. Температура воды въ озерѣ была + 7° и на воздухѣ + 7° Ц. Саженяхъ въ 50-ти были еще два другія такія же озерка, изъ коихъ беретъ начало р. Карага, которая,—необходимо замѣтить,—на картахъ показана совершенно иначе. Съ перевала пришлось круто спускаться въ долину, въ которой мы въ полдень и остановились на привалъ. Здѣсь, на Карагинской сторонѣ, травы обильнѣе и цвѣты разнообразнѣе, да и теплѣе чѣмъ на Лѣсновской. Объясняется это тѣмъ, что туманы Охотскаго

моря, застилающіе долину р. Лѣсной хребтами горъ, сюда не допускаются. Долина рѣки Караги начиналась порослями ольховника, а въ окаймляющихъ ее горахъ, какъ и всюду по пути,—стелющійся кедровникъ.

На перевалѣ.

Въ 7 час. вечера того же дня мы остановились на ночлегъ въ зимней почтовой юртѣ, около которой опять встрѣтили на ягодѣ „медвѣдицу" съ двумя медвѣжатами, но она, однако, почуявъ человѣка, скрылась.

Слѣдовъ медвѣжьихъ очень много и въ особенности по рѣчкѣ, которая, по словамъ Ефрема, очень рыбная. Скрывшаяся медвѣжья семья, по его мнѣнію, днемъ „рыбачила", а подъ вечеръ пошла „на ягоду".

Возвращаясь къ пройденному съ обѣда пути замѣчу, что рѣка здѣсь густо поросла тальникомъ, ольхою, осокою, шеломайникомъ и березою. То и дѣло увалы и ручьи. Тундры почти нѣтъ. Лошади идутъ ощупью, спотыкаясь. Вѣтки царапаютъ за что попало. Комаровъ миріады. Однимъ словомъ, съ часу дня къ 5 час. мы едва выбрались на тундру, которая и тутъ перемежалась иногда съ порослями. Двѣнадцатыя сутки безостановочнаго пути въ сѣдлѣ стали сказываться.

Все болитъ. Слѣдовало бы передохнуть, да провизія на исходѣ. Дня черезъ два разсчитывали быть въ с. Карагѣ, а когда придетъ за мной „Манджуръ", еще неизвѣстно. Поэтому приходилось беречь на эти дни провизію. Напившись чаю, я быстро уснулъ, но проснулся въ 4 часа утра, когда проводники уже встали. Выйдя на рѣчку умыться, я вдругъ совершенно неожиданно неподалеку отъ палатки увидѣлъ медвѣдицу съ двуми медвѣжатами и, посовѣтовавшись съ Ефремомъ, откуда начать „скрадывать", отправился къ звѣрю. Утро было ясное и тихое. Обоимъ своимъ проводникамъ я приказалъ не стрѣлять до тѣхъ поръ, пока самъ не буду въ опасности. Со мной былъ „винчестеръ" и маузеровскій револьверъ. Подошелъ я къ звѣрю не болѣе какъ на 120 шаговъ и, встрѣтившись съ нимъ лицомъ къ лицу, двумя выстрѣлами изъ винчестера уложилъ его на мѣстѣ. До чего дикія мѣста, подумалъ я, что такъ близко и часто приходится встрѣчаться съ этими обитателями Камчатки!

Охота на р. Карагѣ.

Далѣе пробираясь зарослями, то и дѣло приходилось переѣзжать вбродъ рѣку и ея притоки, а иногда выходить на тундру. По долинѣ р. Караги, какъ и по долинѣ Лѣсновской, встрѣчались въ изобиліи ягоды: голубика и черника, изрѣдка морошка, красная смородина и жимолость. Мѣстами цвѣлъ шиповникъ.

Долина р. Караги отъ средняго своего теченія къ устью поросла тополемъ, березою и ветлою; по горамъ же ползучій низкорослый кедровникъ. Ольха здѣсь тонкая.

Ночевать мы рѣшили на первомъ „лѣтовѣ“ (временная юрта для заготовки рыбы), куда и добрались къ 6 часамъ вечера, употребивъ два часа на отдыхъ.

На изгибѣ рѣки, съ одной стороны съ крутымъ берегомъ, а съ другой — плоскимъ, стояли три временныя юрты съ сушильнями. Около ихъ мы и остановились. Берегъ поросъ осокой, поэтому комаровъ—тьма. Въ юртахъ оказались однѣ только женщины. Спрашиваемъ, гдѣ мужчины?—„Уѣхали на охоту за медвѣдемъ“. — Однако камчадалы возвратились. Медвѣдя они не видали, а ѣздили главнымъ образомъ посмотрѣть мѣста, гдѣ рыбы больше и гдѣ поэтому лучше ставить сѣти или неводить. Рѣка здѣсь довольно быстрая.

Утромъ для меня былъ приготовленъ „паромъ“, т.-е. два „бата“, связанные ремнями на разстояніи полуаршина другъ отъ друга, на которыхъ положена слань. Моросилъ дождь, и я распорядился надъ сланью устроить палатку изъ жердей, которую накрылъ брезентомъ. Это спасало меня и мои вещи отъ дождя.

Въ 8 ч. 20 м. утра паромъ съ тремя проводниками-гребцами тронулся по теченію, и если бы не ненастье, то такое плаваніе доставило бы громадное удовольствіе. Теченіе быстрое, да еще гребцы помогаютъ. Я началъ, было, дѣлать съемку рѣки, но дождь помѣшалъ, да и самъ я отъ сырости прозябъ. Не доѣзжая до селенія, на „лѣтовѣ“ застали мы старосту, съ которымъ 1-го августа, т.-е. на 14-я сутки отъ Тигиля я прибылъ въ сел. Карагу, гдѣ въ бухтѣ стоялъ военный транспортъ „Шилка“.

Въ Карагинскомъ селеніи 9 домовъ, душъ обоего пола съ дѣтьми 150; но въ этомъ числѣ значатся и кочующіе. Селеніе, какъ и прочія, жалкое, хотя на хорошемъ мѣстѣ съ внѣшней стороны. Работниковъ 29. Лѣсъ, съ трудомъ добывается верстъ за 20 — 25 выше, имѣется только тополь и береза. Первый идетъ здѣсь на постройки. Рѣка на это разстояніе сплавная и даже, пожалуй, судоходная для мелкосидящихъ катеровъ, но только до августа, а послѣ мелѣетъ. Шириною рѣка отъ 15 до 100 саж., а глубиною до 2-хъ

саж., при чемъ къ устью глубина становится все мельче и мельче и доходитъ до 2-хъ футъ.

Вскрывается рѣка Карага и бухта отъ льда въ концѣ мая и не позднѣе 5-го іюня, когда уже могутъ вполнѣ приходить пароходы. Американская паровая шхуна сюда заходила съ товаромъ, въ 1906 году 9 мая, а русская въ 1907 году 20-го. Но въ это время жители еще на собакахъ по снѣгу ѣздили, а бухта была покрыта льдомъ, такъ что шхуна стояла у входа въ бухту около косы. Командиръ русской шхуны, по объясненію старосты, не то русскій, не то нѣмецъ.

Американскія шхуны стараются попасть въ Камчатку какъ можно раньше, чтобы успѣть подороже товаръ продать и подешевле пушнину купить.

Цѣны у нихъ на товары слѣдующія: кулекъ крупчатки 5—7 руб., плитка кирпичнаго чая 1 р. и т. п.

По проходѣ льда въ Карагѣ первой ловится „красная“ рыба, которую жители ловятъ ставными сѣтями. Идетъ рыба только съ приливомъ и ловится не много—по 10—20 шт. въ день. 10-го іюня появляется хайко (кета). „Красной“ здѣсь въ общемъ не много. Бываетъ годомъ обильный ходъ горбуши, но не каждый годъ; „хайко“ же бываетъ ежегодно. Самый ходъ „хайко“ начинается съ 5 іюля и до 20-го числа. Оканчивается 10 августа.

Размѣромъ „хайко“ какъ въ началѣ хода, такъ и въ концѣ приблизительно одинакова, тогда какъ на Сахалинѣ первая лѣтняя кета мельче осенней. Взвѣшенныя мною 1 августа 3 экземпляра (2 самца и 1 самка) были по 11 — 12 фунт. и одинъ самецъ—$7^1/_2$ фунт.; бываетъ и на 20 ф., но рѣдко.

„Кижуча“ и „чавыча“ здѣсь мало ловится. Гольца же осенью въ рѣкѣ достаточно.

Сельдь заходитъ въ бухту, но держится близъ ея входа, до устья не доходитъ и жители ея не ловятъ.... Она сюда не каждый годъ заходитъ, тогда какъ въ бухтѣ бар. Корфа бываетъ ежегодно.

Первое появленіе японцевъ въ Карагинскомъ заливѣ было въ 1901 г. съ русскимъ предпринимателемъ капитаномъ Кактеномъ. У него была одна своя шхуна „Камеранъ“ и двѣ японскихъ.

Послѣ этого, во время войны, пробовала, было, пройти

одна хищническая японская шхуна, но изъ 35 человѣкъ ея экипажа и рабочихъ—30 были убиты дружинниками камчадалами, а шхуна съ 5 рабочими ушла.

Затѣмъ въ 1906 году пришли 3 японскія шхуны. Одну изъ этихъ шхунъ „Кофуку-мару" транспортъ „Шилка" конфисковалъ и увелъ на буксирѣ въ Петропавловскъ.

Въ этомъ же году пришло сюда 16 японскихъ шхунъ, но всѣ съ такъ называемыми „русскими" хозяевами. У каждой на борту было также и по нѣскольку человѣкъ русскихъ рабочихъ.

Рыбы здѣсь, какъ и по всей Камчаткѣ, въ минувшемъ году было чрезвычайно мало, жители ожидали, голодовки. Хотя они и приписываютъ это японцамъ, не допустившимъ будто бы рыбу своими неводами, но я, какъ очевидецъ, свидѣтельствую о всеобщемъ недоходѣ рыбы по всей Камчаткѣ. Поэтому въ данномъ случаѣ обвиненія японцевъ напрасны.

Въ прошломъ году въ Карагинскомъ заливѣ надзора никакого не было, а потому мѣстный староста явился въ роли блюстителя и потребовалъ съ каждой шхуны по одному кулю риса, какъ бы ясакъ своего рода за право ловли рыбы въ „ихъ" водахъ. Я ему разъяснилъ, что подобныхъ поборовъ дѣлать не слѣдуетъ, такъ какъ промыслы разрѣшаются правительствомъ.

Въ общемъ же этотъ „начальникъ края" съ самаго момента встрѣчи со мною и до конца моего отъѣзда, въ теченіе трехъ дней, находился въ „блаженномъ" состояніи за счетъ японцевъ.

Да, спиртъ для всѣхъ инородцевъ большой и вѣрный соблазнъ!

2-го августа изъ селенія я отправился въ бухту къ рейду, въ надеждѣ застать транспортъ „Шилку", чтобы справиться о „Манджурѣ", но „Шилка" уже ушла.

Отъ селенія Карагинскаго до устья я произвелъ глазомѣрную съемку р. Караги съ промѣромъ ея фарватера. На этомъ пятиверстномъ разстояніи шириною рѣка Карага мѣстами достигаетъ 100 саж., глубиною въ отливъ максимумъ 10 фут. и минимумъ 2 ф. А такъ какъ на самомъ барѣ глубина минимальная, то это мѣшаетъ сообщенію съ рейдомъ болѣе глубокосидящимъ промысловымъ лодкамъ. Въ іюнѣ, когда таютъ на горахъ снѣга, рѣка на этомъ протяженіи почти

всегда выходитъ изъ береговъ, заливается, исключая нѣкоторыя холмистыя возвышенности, покрытыя мѣстами кустарникомъ тальника, а мѣстами осокою.

По выходѣ изъ рѣки, предъустьевое ея пространство на протяженіи 1—2 верстъ во внутрь бухты также не глубоко, и ближайшая якорная стоянка находится на разстояніи верстъ трехъ отъ устья.

Долженъ замѣтить, что планъ гавани Карага съемки 1885 года, по моимъ наблюденіямъ, не совсѣмъ точенъ.

Эта бухта съ довольно тихой стоянкой доступна для входа большихъ коммерческихъ судовъ. Примыкающія къ ней горы покрыты ползучимъ кедровникомъ; строевой же лѣсъ отсутствуетъ. Японцы считали эту бухту и сосѣднюю бухту барона Корфа особенно рыбными, поэтому въ минувшемъ году и направилось туда до 30 парусныхъ шхунъ съ однимъ пароходомъ [1]). Вслѣдствіе же недохода рыбы результаты промысла оказались плачевными.

Къ характеристикѣ изворотливости японскихъ рыбопромышленниковъ, чаявшихъ отъ русскихъ богатствъ стяжать наживу, приведу слѣдующій фактъ.

Въ силу рыболовной конвенціи съ Японіей, промыселъ въ рѣкахъ и закрытыхъ бухтахъ, т.-е. въ наилучшихъ мѣстахъ, предоставляется исключительно русскимъ подданнымъ и притомъ съ русскими рабочими. Какъ обойти такое правило?—Японцы и рѣшили войти въ соглашеніе съ русскими спекулянтами, которые, получивъ отъ японцевъ по нѣскольку сотъ рублей, уступили имъ свои права на мѣстѣ промысла, на случай же появленія надзора выступали показными хозяевами. А чтобы еще болѣе замаскировать положеніе дѣла, японцы рѣшились даже взять на свои промыслы русскихъ рабочихъ. Конечно, въ данномъ случаѣ они не столько расчитывали на ихъ трудъ, сколько на трудъ увеличенной команды своихъ судовъ — въ дѣйствительности рыболововъ. Поэтому расходъ на русскихъ рабочихъ и мнимаго „русскаго“ хозяина относился ими какъ бы на расходъ за аренду промысла.

Съ грустью приходится констатировать фактъ подобнаго

---

[1]) Хотя эта мѣстность и исключена изъ сферы японскаго рыболовства, но въ данномъ случаѣ японцы, по обыкновенію, дѣйствовали подъ флагомъ русскихъ.

явленія и тѣмъ болѣе тогда, когда мнѣ пришлось въ теченіе недѣли наблюдать за дѣйствіями своихъ соотечественниковъ. Одинъ японецъ, рискнувшій въ Камчаткѣ организовать промыселъ, жилъ долгое время на Сахалинѣ, гдѣ и изучилъ хорошо русскій языкъ. Соприкасаясь съ трудомъ ссыльныхъ сахалинцевъ, представлявшимся ему болѣе худшимъ трудомъ, японецъ-предприниматель тѣмъ болѣе понадѣялся на успѣхъ свободнаго труда. Для этого онъ обратился къ приморской администраціи за содѣйствіемъ по найму русскихъ рабочихъ. Но эта послѣдняя, желая избавиться отъ вреднаго и безпокойнаго элемента, наградила его такимъ отбросомъ, результаты котораго будутъ указаны далѣе.

Черезъ недѣлю послѣ моего пріѣзда въ гавань Карагу, неожиданно, раньше росписанія, пришелъ пароходъ „Уссури", совершившій благополучно свое плаваніе къ берегамъ Сѣверной Америки, до Нома. Тогда, не дожидаясь „Манджура", я рѣшилъ на немъ же возвратиться во Владивостокъ. На этомъ пути мнѣ предстояло быть въ р. Укѣ, р. Камчаткѣ, на о. Беринга и затѣмъ опять въ Петропавловскѣ, а такъ какъ сезонъ рыболовства уже оканчивался, то и обслѣдованіе другихъ еще мѣстъ не представляло интереса.

На суднѣ я встрѣтилъ своихъ старыхъ спутниковъ — двухъ евреевъ, ѣздившихъ изъ Петербурга за скупомъ пушнины и тѣхъ же японцевъ-торговцевъ и студентовъ, появленіе которыхъ въ Номѣ, между прочимъ, произвело, цѣлую сенсацію, американскія мѣстныя газеты приняли ихъ за шпіоновъ и подняли тревогу.

Имѣя небольшой частный грузъ для Караги, „Уссури" пришлось простоять цѣлыя сутки.

9-го августа вечеромъ мы снялись съ якоря, принявъ на бортъ описаннаго выше японца-предпринимателя, съ его „русскимъ" хозяиномъ и 32-мя русскими рабочими.

Присутствіе такого элемента среди пассажировъ стало ихъ безпокоить и они начали оживленно обмѣниваться разговорами. Командиръ и его помощники тоже. Вскорѣ выяснилось, что эта банда, пришедшая на промыслы на японскомъ пароходѣ, устроила бунтъ на приходившемъ въ Карагу русскомъ почтовомъ пароходѣ „Днѣпръ", гдѣ, атаковавъ каюту капитана и не найдя его, избила старшаго его помощника.

Команда же и бывшіе на „Днѣпрѣ“ пассажиры растерялись и не знали, что дѣлать.

Поэтому экипажъ „Уссури“ рѣшилъ теперь съ этими рыбаками обходиться какъ можно миролюбивѣе, не только не затрагивая ихъ самолюбія, а наоборотъ, уступая имъ во всемъ.

Въ первую же ночь нашего плаванія двое мирныхъ пассажировъ III кл. выбѣжали въ бѣльѣ на палубу, сообщивъ, что рыболовы ихъ чуть, было, не зарѣзали. Банда почти поголовно была пьяна, а потому и неудивительно, что ножи могли идти въ ходъ. Но, слава Богу, ночь прошла благополучно.

10-го утромъ въ 8 час. отдали якорь въ бухтѣ „Ука“.

Съ судна были видны на берегу 3—4 постройки. Погода стояла ясная, штилевая. Спустили катеръ и японскій кунгасъ (лодку) для выгрузки.

Нѣсколько пассажировъ, въ томъ числѣ и я, рѣшили на катерѣ отправиться на берегъ. Манометръ показываетъ 28 фунт. пару. Ходъ катера былъ совершенно слабый. Отойдя немного отъ парохода, рѣшили застопорить и подогнать пару. Получивши 50 ф., пошли дальше. А такъ какъ вѣтра почти вовсе не было, то изъ моей бурки пришлось сдѣлать искусственное поддувало. Въ концѣ концовъ, какъ мы ни старались, а паръ все не поднимался и мы до берега, который находился миляхъ въ двухъ, добрались въ теченіе $2^1/_2$ часовъ. Помощникъ механика рѣшилъ, что кардифскій уголь плохо горитъ и приказалъ на берегу собрать дровъ — валежника, которымъ въ теченіе часовой стоянки и подняли пары до 110 ф. Но опять, когда мы на обратномъ пути забуксировали двѣ порожнія шлюпки и въ устьѣ рѣки попали во встрѣчное приливное теченіе, то пары начали быстро падать, и катеръ, еле выгребая, съ 50-ю фунтами пара, чрезъ $1^1/_2$ часа едва-едва добрался до судна.

Это предпріятіе „прапорщиковъ“, т. е. моряковъ коммерческихъ судовъ, получившихъ отъ правительства почтово-пароходную субсидированную линію. Но какъ посмотришь на всю организацію этого дѣла, то невольно досадуешь за своихъ соотечественниковъ и въ особенности тогда, когда тутъ же ѣдущіе на „Уссури“ практичные коммерсанты и промышленники японцы, самодовольно усмѣхаясь, заблаговременно

рѣшаютъ вопросъ о посылкѣ туда въ ближайшее время своихъ пароходовъ.

Устье рѣки „Уки“ шириною саж. 50 — 60 и довольно глубоко. На барѣ въ отливъ около 5 ф. Въ 100—200 саж. выше отъ устья остались примѣты японскаго рыбопромышленнаго сарая, вблизи котораго лежатъ оставленные два якоря. Здѣсь были во время войны японскія пиратскія шхуны, ограбившія мѣстнаго торговца Коцинскаго. Къ счастью, послѣдній, за день до прихода этихъ пиратовъ, успѣлъ сѣсть на американскую шхуну и отправиться въ Аляску. Служащій же его, Антонъ Николаевъ, разсказывалъ мнѣ, что японцы, высадившись, подошли къ ихъ дому, взяли Николаева и еще другого служащаго, связали имъ руки и ноги, обвязали головы какой-то клеенкой, облили керосиномъ и бросили на землю.

„Мы съ минуты на минуту со страхомъ ожидали смерти, думая вотъ-вотъ насъ подожгутъ“, разсказываетъ Николаевъ. „За что насъ связали—мы не знаемъ. Мы и такъ не сопротивлялись. Пережили мы тяжелыя душевныя волненія, ничего не видавши и не слыхавши, что дѣлали японцы. Въ концѣ концовъ, спустя часъ или больше, мы съ товарищемъ какъ-то инстинктивно подкатились другъ къ другу и зубами я ему развязалъ руки. Послѣ этого мы оба освободились. А когда открыли глаза, то никого уже около дома не видали. Склады были открыты и всѣ цѣнные товары оттуда были похищены. Японцы расположились на противоположномъ берегу рѣки и начали строить сарай для промысла. А мы, увидѣвъ это, немедленно убѣжали въ горы“.

Разсказъ Николаева вполнѣ правдоподобенъ и подтверждается другими мѣстными жителями.

Погода въ этотъ день, какъ я уже сказалъ, стояла превосходная, штилевая; капитанъ распорядился вторично послать катеръ со шлюпкой въ рѣку съ тѣмъ, чтобы вымыть ее и взять прѣсной воды. Груза оставалось всего только на двѣ шлюпки. Корейцы—выгрузчики парохода, хотя и уставшіе, работали усиленно, такъ какъ сами хотѣли поскорѣе окончить.

Въ 10 часовъ вечера отправили послѣдній грузъ. Къ разсвѣту ожидали прихода катера съ водой, а часовъ въ 8 утра намѣревались сняться съ тѣмъ, чтобы въ Усть-Камчатскъ придти на другой день рано утромъ.

Отъ Уки до Усть-Камчатска 170 миль и при 8-мильномъ ходѣ „Уссури" могъ тамъ быть часовъ въ 5 утра.

Я проснулся рано и вышелъ на „ютъ" (кормовая палуба). Тишина полнѣйшая. Море блеститъ. Видѣть такимъ Берингово море кажется даже страннымъ.

Справляюсь о катерѣ—говорятъ, еще не приходилъ. Вскорѣ пріѣзжаетъ торговецъ Коцинскій на своемъ вельботѣ и сообщаетъ, что катеръ „обсохъ".

Оказывается, экипажъ катера, выйдя на берегъ къ Коцинскому и усѣвшись за закуску, забылъ, что начался отливъ, а когда они, окончивъ трапезу, вышли, то уже катеръ стоялъ на сухомъ мѣстѣ.

Снять его силъ не хватало, а потому волей-неволей пришлось ждать вновь прилива, который ожидался лишь послѣ обѣда.

Къ 6 час. вечера возвратился катеръ съ шлюпкой, воды въ которой было не болѣе 100 ведеръ, да и то полусоленой.

Такимъ образомъ день пропалъ даромъ, вмѣсто утра, мы снялись съ Уки только вечеромъ. А черезъ сутки отдали якорь въ Усть-Камчатскѣ.

Пассажиры, въ числѣ которыхъ находились бывавшіе ранѣе въ здѣшнихъ моряхъ, удивляются такой счастливой погодѣ и боятся, чтобы ее не „сглазить".

Большой заливъ Усть-Камчатскій, несмотря на совершенно тихую погоду, у береговъ все-таки былъ покрытъ бурунами. Дали нѣсколько свистковъ, но шлюпка съ берега не показывалась. Спустили свою и отправились на берегъ.

Шлюпка ходила, ходила вдоль берега, наконецъ выбросилась на сушу, гдѣ бродили уже нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ жителей.

Отъ устья рѣки судно наше находилось верстахъ въ 3—4-хъ восточнѣе у „кошки". Отсюда ясно можно было разглядѣть остатки грандіознаго, но неудавшагося предпріятія Котиковой Компаніи. Консервный заводъ, перенесенный сюда Кампаніей изъ Авачинской губы, также не функціонировалъ, какъ и туковый. Представители Компаніи мнѣ говорили, что гибель этого предпріятія есть результатъ настоянія администраціи имѣть русскихъ рабочихъ.

Стоя у берега и глядя на этотъ заливъ, я невольно вспомнилъ ту ужасную драму, которая разыгралась на глазахъ

у пассажировъ въ 1902 году съ двумя представителями рыбопромышленности: г. Прозоровымъ и французомъ Моно.

Эти два предпринимателя, пріѣхавшіе, было, сюда осмотрѣть мѣста для открытія новыхъ предпріятій, поѣхали на катерѣ на берегъ. Съ Моно путешествовала молодая супруга, но на берегъ она не поѣхала, а осталась на пароходѣ.

Спустя нѣсколько часовъ, она, ничего не подозрѣвая, лишь стала замѣчать какое-то странное къ ней обращеніе капитана и пассажировъ.

Что же оказалось? — Катеръ, на которомъ отправились гг. Моно и Прозоровъ, на барѣ былъ накрытъ волною и моментально затонулъ, а съ нимъ погибли въ бурунахъ всѣ бывшіе на немъ, и команда, и пассажиры.

Вспомнивъ, что когда-то и меня 4 часа ночью носило на опрокинутой шлюпкѣ въ бурунахъ устья р. Пороноя на Сахалинѣ, и когда одинъ японецъ-матросъ уже утонулъ на моихъ глазахъ, а меня съ другимъ японцемъ еле живыми выбросило на берегъ, то этотъ пережитый мною ужасъ, напоминающій такую же страшную картину, какъ съ покойными Моно и Прозоровымъ, невольно останавливалъ особое мое вниманіе надъ этой рѣкой, съ одной стороны богатой рыбой, а съ другой—не имѣющей спокойнаго рейда.

Было еще совсѣмъ свѣтло, когда пассажиры любовались дымящейся ключевой сопкой. А спустя часа 2 передъ нами красовалась эта величественная конусообразная гора съ огненной вершиной. Пламя было видно простымъ глазомъ: кратеръ вулкана имѣетъ довольно большой діаметръ. То вспыхиваетъ, то меркнетъ, какъ маякъ. Въ бинокль можно было наблюдать еще лучше.

Кромѣ верхняго снопа пламени по срединѣ горы, видна была какъ бы расчелина отвѣснаго направленія и тоже въ пламени. Вѣроятно, это текла лава.

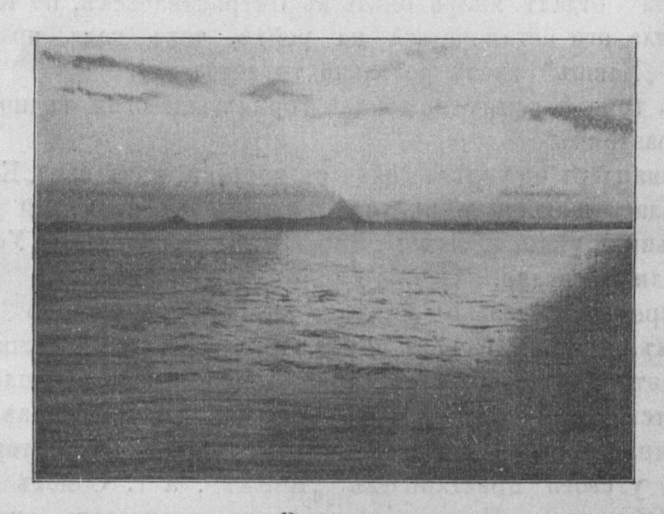
Около 11 часовъ ночи, когда пассажиры все еще любовались горящей сопкой, освѣщенной къ тому же съ противоположной стороны луною, возвратилась съ берега шлюпка, сообщившая, что грузъ сданъ и все окончено.

Начали собираться въ дальнѣйшій путь. Подняли шлюпку и якорь и въ 12 час. ночи взяли курсъ на островъ Берингъ.

13-го утромъ погода опять намъ улыбнулась. Тишь и гладь. Ясно. Всѣ на палубѣ. Обычный чай и завтракъ про-

шли какъ-то томительно въ ожиданіи Командорскихъ острововъ. Около 2-хъ часовъ дня они открылись, а въ 5 часовъ „Уссури“ отдалъ якорь у маленькаго городка, поста Никольскаго, расположеннаго на островѣ знаменитаго русскаго мореплавателя Беринга, заселеннаго нынѣ немногочисленнымъ Алеутскимъ населеніемъ.

Рядъ однотипныхъ маленькихъ домиковъ, ровно распланированныхъ и окрашенныхъ въ коричневую краску, производилъ весьма хорошее впечатлѣніе, которое тѣмъ болѣе усиливалось, когда между этими домами выдѣлялись дома мѣстной администраціи, напоминающіе барскіе помѣщичьи флигеля

Вулканъ.

въ 6—8 комнатъ. Въ серединѣ поста красуется особое двухъэтажное зданіе, построенное не то въ мавританскомъ, не то въ декадентскомъ стилѣ. Это—полицейское управленіе. Всѣ дома администраціи окрашены въ зеленую краску, а потому и выдѣляются отъ алеутскихъ коричневыхъ домиковъ. Впечатлѣніе совершенно иностраннаго городка.

У самой пристани находится домъ Камчатскаго торговопромышленнаго О-ва, монополизирующаго котиковый промыселъ на этихъ островахъ. Около компанейскаго дома—астрономическій пунктъ, а не вдалекѣ хорошенькая маленькая церковь. Противъ церкви большое зданіе—школа.

Послѣ всѣхъ камчатскихъ портовъ этотъ пунктъ, не-

смотря на совершенное отсутствіе какой-либо растительности, если не считать травы и низкорослыхъ кустиковъ рябины, своимъ благоустройствомъ производитъ самое лучшее впечатлѣніе.

Населеніе острова Беринга состоитъ исключительно изъ алеутовъ, которые занимаются котиковымъ промысломъ. Всю добычу котовъ и бобровъ, а также и голубыхъ песцовъ они обязаны поставлять компаніи, по условленной цѣнѣ, а послѣдняя снабжаетъ ихъ оружіемъ, пищевыми и другими продуктами за весьма умѣренную плату.

15-го августа, въ день Успенія, въ 10 часовъ вечера, „Уссури" отдалъ якорь опять въ Петропавловскѣ, но темнота заставила его остановиться на рейдѣ, такъ какъ ночью въ бухту „Ковшъ" входъ довольно труденъ.

Въ городѣ всюду въ домахъ горѣли еще огни, видно было, что праздникъ.

Командиръ не успѣлъ сойти съ мостика, какъ изъ „Ковша" показалась шлюпка и въ темнотѣ раздался знакомый голосъ Начальника уѣзда г. Леха: „Какой это пароходъ?"—„Уссури" отвѣтили съ судна.

Черезъ нѣсколько минутъ въ каютъ-компанію вошли гг. Лехъ, Канторъ, Сомовъ и еще одинъ изъ мѣстныхъ жителей.

Канторъ, главный довѣренный Торгово-Промышленнаго Камчатскаго О-ва, недавно прибылъ въ Петропавловскъ на компанейскомъ новомъ пароходѣ „Котикъ", который и стоялъ у своей пристани въ „Ковшѣ", а г. Сомовъ совѣтникъ Областного Правленія, пріѣхалъ ревизовать округъ и еще, кажется, по какимъ-то дѣламъ, касающимся прошлой дѣятельности нѣкоторыхъ изъ бывшихъ чиновъ администраціи.

На другой день, когда пароходъ ошвартовался къ берегу, гдѣ должны были выгрузить тоннъ 400 угля, я отправился въ городъ.

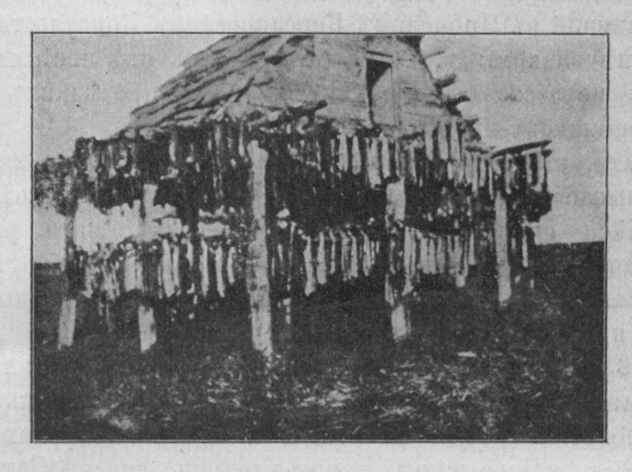
Такъ какъ стоянка предполагалась дней въ 5, то я и хотѣлъ использовать это время для ознакомленія съ здѣшнимъ осеннимъ рыбнымъ промысломъ. У „Кошки" жители неводили рыбу. Тоня эта была скорѣе дѣтской забавой, съ 10—15 саж. неводомъ. Подростки и дѣти сидѣли на берегу и ожидали густого хода рыбы. Въ бочкѣ лежало штукъ 8 рыбы „кижуча", которую тутъ же рыболовы порѣзали на „юколу", при чемъ сырыми головами этой рыбы малыши

жадно лакомились. Такое лакомство меня не удивляло въ глуши полуострова, но здѣсь я не думалъ этого встрѣтить.

Тильпушка.

Мнѣ казалось, что петропавловскихъ жителей хоть сколько-нибудь коснулась культура. Вѣдь сюда много заходитъ частныхъ

Юкольникъ.

коммерческихъ и военныхъ судовъ. Здѣсь есть 2-классное училище, есть и интеллигенція. Тутъ опять невольно при-

шлось обратить вниманіе на невѣроятную лѣнь населенія, выражавшуюся въ томъ, что имъ не хотѣлось вытаскивать неводъ до тѣхъ поръ, пока они не увидятъ большого руна рыбы у невода, появленіе котораго ярко обрисовывается въ видѣ особой волны или ряби. Единичными экземплярами жители не довольствуются, предпочитая просиживать цѣлые дни у невода. Вѣрить же тому, что рыба не всегда идетъ верхомъ, они не желаютъ.

18 августа погода съ утра стояла хорошая. На душѣ весело. Около Управленія стояла толпа. Ко мнѣ явились пассажиры „Уссури" и просили присоединиться къ ихъ заявленію, чтобы промысловую банду русскихъ рабочихъ, шедшихъ съ нами на „Уссури", высадить въ Петропавловскъ, иначе они боятся идти во Владивостокъ. Я присоединился къ нимъ и мы отправились къ Начальнику, который и обѣщалъ это сдѣлать. Между тѣмъ жители Петропавловска настаивали на обратномъ и требовали, чтобы поскорѣе отправить „Уссури".

Дня черезъ три въ Петропавловскъ пришелъ другой почтовый пароходъ, доставившій мнѣ первыя письма изъ дома, писанныя 2 мѣсяца тому назадъ. На этомъ пароходѣ объѣзжали Охотско-Камчатское побережье представители двухъ японскихъ министерствъ: Иностранныхъ Дѣлъ и Земледѣлія. А такъ какъ дипломатическій чиновникъ г. Сузуки, около 20 лѣтъ прослужившій въ Японскомъ Корсаковскомъ Консульствѣ, оказался мнѣ знакомымъ, то на другой день онъ посѣтилъ меня и я ему поразсказалъ о видѣнныхъ мною продѣлкахъ его соотечественниковъ-промышленниковъ.

Кстати, этотъ же самый г. Сузуки, прекрасно знакомый съ промысловымъ дѣломъ еще по Сахалину, а нынѣ ознакомившійся съ положеніемъ Охотско-Камчатскаго рыболовнаго вопроса, прибылъ недавно сюда, въ Петербургъ, какъ я слышалъ, для урегулированія какихъ-то неудобныхъ для Японіи пунктовъ Рыболовной Конвенціи.

Въ 3 часа дня 23-го „Уссури" снялся изъ Петропавловска и отправился прямо на Владивостокъ. Отсюда семь сутокъ безостановочнаго перехода. Погода стояла пасмурная, моросилъ дождь. Пассажиры рано улеглись спать. Зато рано утромъ въ иллюминаторы заглянуло солнце. Я всталъ въ 6 час. и вышелъ на палубу. „Уссури" находился уже близъ мыса Лопатки.

Весь день погода опять стояла тихая, съ утра на горизонтѣ было туманно, но къ обѣду все очистилось. Слабый вѣтеръ судна не качалъ. Къ вечеру стали подходить къ четвертому Курильскому проливу, который былъ все-таки въ туманѣ. Эта гряда островов, кажется, вѣчно покрыта туманами. И когда вспомнить объ обмѣнѣ ихъ въ 1875 г. на южную половину Сахалина, нынѣ опять по волѣ рока принадлежащаго Японіи, то невольно признаешь выгодность такого обмѣна для своего отечества. Закатъ солнца былъ какой-то странный: весь горизонтъ въ красноватой мглѣ. Въ 12 час. ночи должны были войти въ проливъ. Смеркалось, погода измѣнилась. Сталъ опять моросить дождь, берега покрылись туманомъ, такъ что виднѣвшіеся ночью берега совершенно скрылись. Въ 10 ч. ночи отправился я на капитанскій мостикъ: оттуда тоже ничего не видно. Идти приходится ощупью. Проливъ хотя и широкій, миль около 30, но теченіе страшно быстрое. Простоявъ минутъ 15 и рѣшивъ, что утро вечера мудренѣе, а присутствіе мое на мостикѣ дѣлу не поможетъ, я пошелъ спать.

Въ каютѣ, гдѣ я помѣщался, было шесть пассажировъ. Только я улегся, какъ одинъ изъ нихъ входитъ и предлагаетъ заручиться у капитана берданками, переданными начальникомъ Петропавловскаго уѣзда на случай самообороны противъ рабочихъ рыбопромышленной банды. А такъ какъ на другой же день послѣ выхода изъ Петропавловска эти рабочіе опять раздобыли спирта, какъ оказалось, у нашего же ресторатора, то ожидать добраго и не приходилось. Я былъ въ постели и не пошелъ за ружьемъ, такъ какъ имѣлъ своихъ два, но другіе отправились и вооружились.

Конечно, предосторожность противъ такой необузданной толпы не мѣшаетъ, но все-таки, казалось, это не дѣло пассажировъ. На утро капитанъ оштрафовалъ ресторатора и опечаталъ его погребъ.

Мои спутники заперли дверь каюты и улеглись. Судно не качается. Я заснулъ въ надеждѣ часовъ въ 6 подняться и посмотрѣть выходъ изъ пролива въ Охотское море. Но не долго, кажется, я спалъ. Слышу машина дала тихій ходъ. Ожидаю, что̀ дальше будетъ. Застопорила и опять черезъ нѣкоторый промежутокъ „тихій ходъ“.

Капитанъ „Уссури“ осторожный человѣкъ и я понялъ, что

онъ опасается идти въ темнотѣ при сильномъ теченіи полнымъ ходомъ.

Вижу свѣтаетъ. Встаю и начинаю одѣваться. Но не прошло пяти минутъ, какъ я слышу свистъ вѣтра и такъ быстро усиливающагося, что пока я одѣлся и вышелъ на палубу, то увидѣлъ такую картину: небо темносвинцоваго цвѣта; низко нависшія облака, какъ бы давятъ васъ; вѣтеръ реветъ со свистомъ, море разбушевалось настолько, что вода превращается въ пыль и несется по поверхности съ невообразимой быстротой. Матросы бѣгаютъ по палубѣ и люки „задраиваютъ". Смотрю, позади миляхъ въ 10—15 остался островъ. Оказалось, что мы уже находились въ Охотскомъ морѣ. Барометръ сильно упалъ. Похоже на „тайфунъ". Иду на мостикъ, капитанъ еще не ложился спать. А вѣтеръ все крѣпнетъ и крѣпнетъ; дуетъ съ лѣваго борта отъ SE. Капитанъ и старшій помощникъ задумываются, кренъ приближается къ 40°. Наконецъ рѣшаютъ, что въ случаѣ, если вѣтеръ еще болѣе усилится, то судно направятъ по вѣтру.

Иду въ каюту, пассажиры въ испугѣ лежатъ, закрывшись съ головами. Прилегъ и я. Судно пустое; безъ балласта, треть винта надъ водою, перебой винта со страшной силой трясетъ судно и мы, пассажиры I класса, какъ расположенные въ кормовой части, больше всего это чувствуемъ. „Уссури" валяетъ изъ стороны въ сторону. Чемоданы и ящики перекатываются, стулья падаютъ, посуда въ ресторанторской бьется. Однимъ словомъ, все наводитъ страхъ. Заснуть нечего и думать.

Такъ прошло часа два. Входитъ въ каюту старшій помощникъ и сообщаетъ, что вѣтеръ тише. Я тотчасъ же всталъ и вышелъ на мостикъ.

А пока мы обѣдали, вѣтеръ перешелъ на другую сторону къ SW и подулъ съ порядочной силой, такъ что первую зыбь нѣсколько остановилъ. Судно какъ бы отдохнуло; а къ вечеру совсѣмъ стихло.

Звѣздная и тихая ночь въ Охотскомъ морѣ обрадовала пассажировъ и всѣ, послѣ двухчасового страха, спокойно улеглись спать.

Такъ прошла суббота 25 августа. Это былъ единственный сильный штормъ за весь переходъ „Уссури" отъ Владивостока до Берингова пролива и обратно.

Однако, Охотское море не долго побаловало насъ, давъ на отдыхъ лишь одно воскресенье. Съ понедѣльника же опять подулъ свѣжій вѣтеръ отъ Е, но зато попутный, хотя и съ дождемъ.

„Уссури" шелъ 9-узловымъ ходомъ. Всѣ ожидали вечеромъ, часовъ въ 6, увидѣть берегъ Сахалина. Курсъ былъ проложенъ на самую оконечность острова, мысъ Анива, но пасмурная погода закрывала берега. За весь переходъ Охотскимъ моремъ ни разу не удалось опредѣлиться, такъ какъ все время было пасмурно и солнца въ полдень не видали. Поэтому капитанъ не былъ твердо увѣренъ въ своемъ курсѣ, такъ какъ могло снести теченіемъ или вѣтромъ въ ту или другую сторону.

Было уже 7 час. вечера, когда мы встали изъ-за обѣда. Близились сумерки, но берегъ не открывался. Туманъ смѣнялся изморозью и дождемъ, а вѣтеръ не прекращался. Я пошелъ въ каютъ-компанію и только сѣлъ-было за книгу, какъ вдругъ слышу: „берегъ открылся".

Обрадовавшись, я выбѣжалъ на палубу и увидалъ справа въ туманѣ обрисовавшійся высокій гористый берегъ. Онъ былъ такъ близко, что капитанъ тотчасъ же повернулъ судно, опасаясь выскочить на скалу.

Поэтому всю ночь мы проболтались въ морѣ, не рискуя вслѣдствіе неувѣренности входить въ проливъ Лаперуза.

Съ разсвѣтомъ же мы увидѣли мысъ Анива миляхъ въ 20—25 впереди. Оказалось, теченіемъ изъ Лаперузова пролива насъ далеко унесло обратно въ море. Въ этотъ день, при ясной погодѣ, вновь задулъ свѣжій, но уже противный вѣтеръ, а барометръ упалъ. Къ 8 час. утра мы приближались къ Анивѣ. Пошелъ дождь, усилился вѣтеръ, зыбь осталась еще вчерашняя, которая по мѣрѣ нашего приближенія къ мысу, дѣлалась все сильнѣе и сильнѣе. „Уссури", едва выгребая, шелъ всего $1^1/_2$ мили въ часъ. Съ большимъ усиліемъ, наконецъ, мы прошли Анивскій мысъ и вошли въ заливъ, но такъ какъ вѣтеръ, дувшій съ силой 8 балловъ былъ по носу, то намъ едва-едва удалось выбраться отъ береговъ, идя по направленію къ другой оконечности Сахалина, мысу Крильонъ. Въ полдень вѣтеръ особенно дулъ порывисто и дважды судно не слушалось руля и вставало вдоль волны. Но, наконецъ, часовъ въ 7 вечера мы увидѣли бе-

регъ Крильона; къ вечеру вѣтеръ сталъ стихать и „Уссури“ пошелъ сначала 5-ти, а затѣмъ и 8-ми узловымъ ходомъ, такъ что въ 9 ч. 30 мин. вечера открылся и Крильонскій маякъ, а въ полночь мы вышли въ Японское море.

29-го августа, т.-е. на пятыя сутки, въ 7 час. утра, при ясной погодѣ мы подошли къ Японскимъ островамъ Рійсири и Рифунсири. Вдоль береговъ обоихъ острововъ тянутся безпрерывно рыбопромышленныя постройки, освѣщенныя утреннимъ солнцемъ, а съ той и другой стороны судна видны идущіе пароходы и парусныя суда. Сразу чувствуется, что, наконецъ, мы вошли въ зону жилой мѣстности. Острова эти населены почти исключительно рыбаками, которые ловятъ здѣсь сельдь, перерабатывая ее на удобрительный тукъ, такъ же, какъ и на о. Мацмаѣ и южномъ Сахалинѣ.

По мѣрѣ удаленія отъ Сахалина я чувствовалъ все болѣе и болѣе подавленное состояніе. Какъ будто оставляю свое родное дѣтище, которое отнято у меня три года и на которое теперь, проходя мимо, не удалось даже взглянуть. Да! 10-лѣтняя піонерская работа на Сахалинѣ,несмотря на тяжелыя нравственныя условія жизни въ каторжной колоніи, все-таки сказалась въ привязанности къ мѣстности. А сколько положено было труда на одно только обстраиваніе промысловъ, не говоря уже объ испытанномъ гнетѣ въ былыя времена со стороны власть имущихъ и въ косвенномъ давленіи японцевъ въ смыслѣ недопущенія на Сахалинѣ развитія русскаго промысла.

Все это невольно пронеслось въ головѣ и еще болѣе стало грустно за роковую потерю своего гнѣзда и дѣла, созданіе котораго вновь тамъ, на окраинѣ, потребуетъ опять такой же упорной и продолжительной работы.

Чудная, ясная и штилевая погода впервые послѣ Петропавловска дала возможность всѣмъ отдохнуть. Чистый прозрачный горизонтъ и теплое солнце Японскаго моря вознаградили насъ за суровый пріемъ Охотскаго моря. Дѣйствительно, послѣднее съ своими вѣтрами, туманами и промозглой погодой представляетъ собою точно какое-то болото. Большая ошибка капитана была пойти этимъ путемъ. Разница въ разстояніи незначительная, но зато мы давно прошли бы Сангарскій проливъ, если бы шли океаномъ.

На другой день опять полный штиль и ясная погода.

Проснулся я съ разсвѣтомъ и вышелъ на мостикъ. Чудный восходъ солнца освѣтилъ родные берега Сибири, находящіеся миляхъ въ 30 отъ насъ. Смотрю въ другую сторону и тоже вижу берега. Что такое, думаю? Отсюда Японія слишкомъ далеко, а между тѣмъ скалы такъ рельефно обрисовываются. Оказалось — миражъ. Чудная картина!

Этотъ день былъ послѣднимъ днемъ моего плаванія и на другое утро, 31 августа „Уссури“ отдалъ якорь во Владивостокѣ.

Такимъ образомъ за два мѣсяца съ недѣлей своего путешествія мнѣ удалось составить себѣ достаточно ясное и опредѣленное представленіе о Камчаткѣ въ рыболовномъ отношеніи.

Возвращаясь къ рыбному промыслу, я коснусь, какъ самаго способа лова рыбы, ея качества, а также и того характернаго акта размноженія лососевыхъ рыбъ, который не лишенъ интереса не только съ научной точки зрѣнія.

По увѣренію мѣстныхъ жителей изъ 9-ти породъ лососевыхъ — пять: „чавыча“, „хайко“ (кета), „красная“, „кижучъ“, и „горбуша“, по окончаніи нереста умираютъ; другія же четыре — „семга“, „голецъ“, „микижа“ и „кунжа“ (послѣднія двѣ породы промысловаго значенія не имѣютъ, а населеніе эту рыбу даже въ пищу не употребляетъ, такъ какъ онѣ, будто бы, питаются мышами), по окончаніи нереста спускаются обратно въ море. Изъ этихъ послѣднихъ четырехъ породъ семга, микижа и кунжа опредѣленныхъ ходовъ не имѣютъ, а потому жители ловятъ эту рыбу лишь случайно, тогда какъ „голецъ“ имѣетъ свой самостоятельный ходъ. Онъ поднимается въ верховья рѣкъ и озеръ, начиная съ 8 іюля и до 6 сентября. Ловятъ его въ это время неводами; а въ половинѣ мая, какъ только пройдетъ ледъ, голецъ спускается обратно въ море и жители тогда ловятъ его особыми сѣтями, такъ называемыми „чиручъ“. Такой способъ ловли носитъ характеръ „громки“, похожій на Астраханскую „громку“ сазана. „Чиручъ“ — сѣть въ видѣ кутца, или вентеря, устанавливается на одномъ мѣстѣ. Жители заѣзжаютъ на „батахъ“ (лодкахъ), нѣсколько выше по теченію, поднимаютъ шумъ, отъ котораго голецъ и спускается въ море, попадая такимъ образомъ въ сѣть. Такой ловъ гольца продолжается до 1 іюня и улавливается его порядочное количество. Рыба въ это время тощая, не то что осенью.

Качествомъ голецъ приближается къ мелкой бѣломорской семгѣ, размѣромъ до 45—50 сантиметровъ, а вѣсомъ до $3^1/_2$ фунтовъ, видомъ же напоминаетъ форель.

Послѣ весенняго лова гольца населеніе Камчатки начинаетъ ловить „чавычу" т.-е. самую лучшую и самую крупную рыбу. Для этого съ 20-го мая ставятся „запоры" съ „мордами", о характерѣ которыхъ я уже упоминалъ. При обильномъ ходѣ въ теченіе дня изъ „морды" добываютъ по 15—20 шт. этой почти пудовой и самой вкусной рыбы, похожей на нашу двинскую семгу. Помимо названнаго способа ловли чавычу добываютъ еще и небольшими 10—12 саж. ставными сѣтями, которыя устанавливаются на мутной водѣ, при сліяніи двухъ рѣкъ, на суводяхъ (водоворотахъ), вылавливая такимъ способомъ за ночь штукъ 20. Къ Петрову дню, т.-е. къ 29 іюня сѣти эти снимаются и „чавыча" тогда только изрѣдка попадается отдѣльными экземплярами въ „морды", но ловится все-таки вплоть до 1 августа.

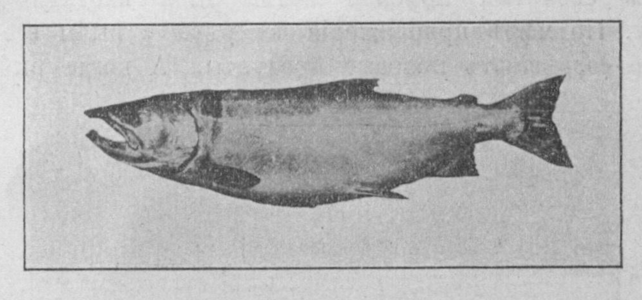
Со времени установки запоровъ, т.-е. съ 20-хъ чиселъ мая появляется уже и ходовая рыба—„красная" и „хайко", составляющія главный рыбный промыселъ Камчатки. Эти лососевыя входятъ въ рѣки въ громадномъ количествѣ и самый густой ходъ ихъ считается между 20 іюня и 20 іюля. Размѣромъ хайко отъ 6 до 15 фунтовъ, а красная отъ 2 до 6 фунтовъ, причемъ вторая нѣсколько жирнѣе хайко, а цвѣтъ мяса у красной рыбы не розовый, какъ у другихъ лососевыхъ, а почти красный. Качествомъ та и другая опять-таки ниже бѣломорскаго лосося, такъ какъ менѣе жирны, а потому и не такъ вкусны.

Одновременно съ этими двумя породами появляется тоже ходовая рыба — горбуша. Есть рѣки, которыя привлекаютъ къ себѣ исключительно горбушу, какъ, напримѣръ, рѣки Камбальная, Кочегочекъ и др. Эта рыба идетъ преимущественно на чистую воду, избѣгая тундристыхъ рѣкъ, хотя иногда входитъ и въ послѣднія.

При 10-лѣтней своей промысловой работѣ на Сахалинѣ я убѣдился, что бываютъ годы такъ называемые горбушечные, такъ какъ послѣдняя идетъ въ особомъ изобиліи, но въ эти годы другой ходовой рыбы—кеты бываетъ очень мало. Такое явленіе наблюдалось и въ Камчаткѣ въ минувшемъ году: хайко (кеты) и красной было очень мало, а горбуши—много.

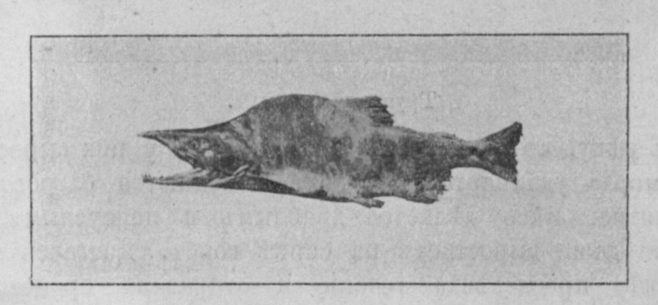
Горбуша въ свѣжемъ видѣ чрезвычайно вкусна, приближается къ форели и семгѣ, но въ соленомъ видѣ значительно измѣняется. Вѣсомъ она достигаетъ отъ 3-хъ до 5 фунтовъ.

Пятая разновидность первой категоріи лососевыхъ—„кижучъ". Эта рыба осенняго хода, довольно жирная и потому значительно вкуснѣе хайко и красной. Кижучъ отъ хайко

Кижучъ.

по наружному виду весьма мало отличается. Появляется кижучъ около 1 августа и ловится вплоть до заморозковъ, т.-е. до октября. Рыба эта, какъ выражаются камчадалы, лукавая

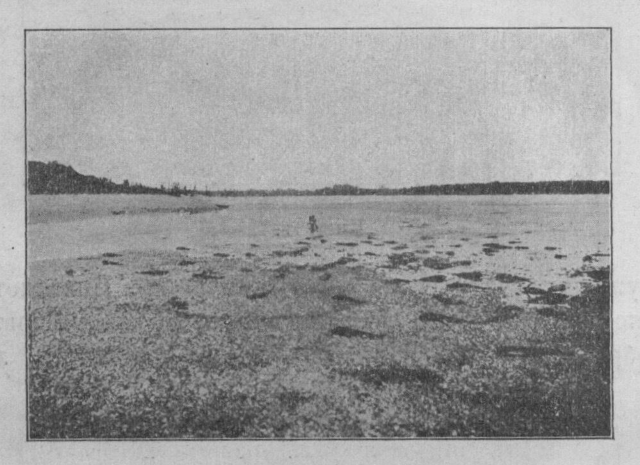
Горбуша.

и въ запоры мало попадаетъ, разгуливая ниже послѣднихъ. Но зато, когда, въ случаѣ дождя, вода въ рѣкѣ настолько поднимается, что „запоры" приходится убирать, иначе ихъ теченіемъ унесетъ, то кижучъ моментально проносится въ верховье рѣки. Во время стоянки „запоровъ" населеніе около послѣднихъ успѣшно ловитъ кижуча неводами.

Вѣсомъ кижучъ отъ 7 до 12 фунтовъ. По качеству своему онъ близокъ къ амурской кетѣ.

Теперь я коснусь того страннаго явленія природы, которому подчинены при размноженіи описанныя выше породы рыбъ. Умираютъ ли послѣ нереста „чавыча" „кижучъ" и „красная" я не видѣлъ, но хайко (кэта) и горбуша—да.

Всѣ эти породы, прежде чѣмъ войти въ рѣку, предварительно нагуливаются въ морѣ, въ предустьевомъ пространствѣ, гдѣ полусоленая вода. Подготовивъ предварительно такимъ образомъ себя къ прѣсной водѣ, рыба входитъ уже и въ рѣку. По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ у рыбы все болѣе и болѣе созрѣваютъ половые продукты. А когда рыба вой-

Трупы лососевыхъ.

детъ въ рѣку, то по мѣрѣ поднятія вверхъ у нея выростаютъ зубы, морда удлиняется, на кожѣ появляются багрово-красныя пятна, мясо дѣлается дряблымъ и невкуснымъ, а у горбуши даже выростаетъ на спинѣ горбъ. Двигаясь вверхъ по рѣкѣ, преодолѣвая теченіе и отправляя процессъ нереста, лосось все больше и больше слабѣетъ и въ концѣ концовъ совершенно погибаетъ, оставаясь на обсохшихъ берегахъ. Я не буду утверждать, вся ли рыба кончаетъ свое существованіе, или рыба только извѣстнаго возраста и пола, но мнѣ приходилось видѣть, какъ цѣлое руно рыбы едва-едва двигалось. Часть этого полумертваго лосося, приткнувшись къ берегу, не могла идти ни туда, ни сюда, а часть уже валялась на берегу съ объѣденными головами. Оставшіяся же массы медвѣжьихъ слѣдовъ свидѣтельствовали о присутствіи этого „лакомки-рыболова".

Въ заключенiе настоящаго своего сообщенiя я скажу слѣдующее:

Эта наша русская окраина дѣйствительно колоссально богата рыбой и главнымъ образомъ лососевыми породами, т.-е. весьма цѣннымъ продуктомъ. Камчатка несравненно богаче Сахалина рыбой. Но при всемъ томъ, съ точки зрѣнiя коммерческой, на Сахалинѣ выгоднѣе было имѣть дѣло, чѣмъ въ Камчаткѣ.

Во-первыхъ, южный Сахалинъ въ $2^1/_2$ суточномъ переходѣ отъ метрополiи, т.-е. отъ Владивостока и въ однѣхъ суткахъ отъ Японiи, т.-е. отъ ближайшаго и вѣрнаго рынка, Камчатка же на 5 сутокъ еще дальше Сахалина.

На Сахалинѣ телеграфъ, что̀ весьма важно для дѣла, въ Камчаткѣ его нѣтъ.

Съ Сахалиномъ частое почтовое сообщенiе, съ Камчаткой — нѣтъ.

На Сахалинѣ лѣса сколько угодно и какого угодно, въ Камчаткѣ онъ рѣдокъ и добыча его весьма затруднительна.

На Сахалинѣ было населенiе хотя и ссыльное, но по сравненiю съ камчадалами все же относительно способное къ труду; на камчадаловъ же и разсчитывать невозможно, какъ по ихъ малочисленности, такъ и по ихъ лѣни и присущей имъ косности.

На Сахалинѣ хотя нѣтъ гаваней, но море менѣе бурливо, чѣмъ въ Камчаткѣ.

Климатическiя условiя Камчатки также менѣе благопрiятны, чѣмъ на южномъ Сахалинѣ.

Навигацiя западнаго побережья Камчатки, т.-е. болѣе продуктивнаго района, значительно короче южно-Сахалинской.

Масса рѣчекъ западной Камчатки изобилуетъ рыбой, но эти рѣчки въ большинствѣ случаевъ въ устьяхъ своихъ мелки, какъ я уже описывалъ выше и не всегда даютъ возможность входа или выхода даже маленькому 100—150 тонному судну. Отсутствiе же тихой стоянки для промысловаго судна въ высокой степени обезцѣниваетъ и самый промыселъ.

Восточное побережье полуострова въ отношенiи стоянки судовъ имѣетъ за собой преимущество. Авачинская бухта, Карагинская и бухта Барона Корфа могутъ служить тихимъ убѣжищемъ для судовъ. Но зато рыбы здѣсь меньше по сравненiю съ раiономъ западнаго берега. Строго говоря, са-

мая большая и самая богатая рыбой рѣка,—это на восточномъ побережьи р. Камчатка, въ среднемъ теченіи которой имѣется даже хорошій строевой лѣсъ, — но рейдъ ея невозможенъ.

Поэтому, при настоящемъ положеніи дѣла на Камчаткѣ можетъ развиваться лишь такой промыселъ, какъ японскій, оборудованный съ небольшими парусными судами, какъ болѣе дешевымъ средствомъ передвиженія. Экипажъ этихъ судовъ является на промыслѣ рабочей силой, что въ свою очередь также удешевляетъ добычу самого продукта. При такой постановкѣ дѣла на промыслѣ не требуется возведенія особыхъ построекъ, не говоря уже о тѣхъ сооруженіяхъ, кои необходимы при оборудованіи промысла для экспорта продукта на рынки Европы, какъ, напримѣръ: особыхъ ледниковъ, рефрижираторовъ и т. п.—Однако, всѣ перечисленныя мною отрицательныя стороны Камчатки отнюдь не должны служить поводомъ къ пессимистическимъ взглядамъ на эту окраину. Фактъ тотъ, что Камчатка рыбой колоссально богата, а рынки для этого продукта обезпечены. Поэтому необходимо обратить вниманіе на возможность соединенія всѣхъ рѣчекъ западнаго побережья между собою желѣзнодорожной линіей, съ выходомъ послѣдней въ Петропавловскій портъ.

Безъ сомнѣнія, если бы такой проектъ оказался бы осуществимымъ съ технической стороны, то Камчатка заняла бы наивыгоднѣйшее въ мірѣ значеніе въ рыбномъ промыслѣ. Протяженіе этого желѣзнодорожнаго пути всего 500—700 верстъ и тогда всѣ невыгоды упомянутаго района сами собой исчезнутъ; побережье быстро заселилось бы и могло бы имѣть прекрасные заработки отъ промысла, Петропавловскій портъ, имѣя за собою 8—9-мѣсячную навигацію, превратился бы въ живой коммерческій портъ.

Такъ какъ Камчатка богата травами, какъ я упоминалъ выше, способствующими разведенію скота, то и этотъ видъ хозяйства при заселеніи побережья могъ бы выдвинуться впередъ.

Говоря все время о рыбномъ промыслѣ, я не касался горныхъ богатствъ этого полуострова. Между тѣмъ, по даннымъ экспедиціи К. И. Богдановича и др., на Камчаткѣ имѣются золотыя розсыпи, уголь, желѣзо, сѣра и др. минералы, которые обратили уже вниманіе предпринимателей.

Въ минувшемъ году прибыла туда одна такая экспедиція и осталась на зиму для развѣдокъ. Являлись также и отдѣльныя небольшія партіи сибиряковъ-золотоискателей. О результатахъ тѣхъ и другихъ мы, вѣроятно, услышимъ весной.

Оканчивая настоящій докладъ я долженъ сознаться, что въ силу умѣло заключенной рыболовной конвенціи съ Японіей благодаря участію техническаго делегата, знатока Дальняго Востока В. К. Бражникова, всѣ преимущества рыбнаго промысла Камчатки остаются на сторонѣ русскихъ предпринимателей. Я считаю необходимымъ высказаться еще и за введеніе правительствомъ тѣхъ мѣропріятій, которыя послужили бы успѣшному развитію этой отдаленной, но богатой русской окраины, а именно:

1) Первая задача — устройство телеграфа, хотя бы безпроволочнаго и въ нѣсколькихъ пунктахъ.

2) Расширеніе пароходо-почтоваго сообщенія метрополіи съ Камчаткой и Японіей.

3) Наискорѣйшее заселеніе Камчатки русскими переселенцами, имѣя при этомъ въ виду первый и главный источникъ ихъ заработка—рыболовство и скотоводство. Такое заселеніе возможно, однако, осуществить лишь при условіи широкаго развитія крупнаго промысла, ибо рыбаки-переселенцы, конечно, не могутъ самостоятельно организовать сбытъ рыбы на рынки.

4) Въ этихъ видахъ необходимо широкое предоставленіе русскимъ предпринимателямъ такихъ льготъ, которыя способствовали бы развитію въ этой отдаленной окраинѣ русскаго національнаго промысла и каковыя льготы могли бы предотвратить неминуемый японскій экономическій захватъ Камчатки, — а именно:

а) Долгосрочная аренда, не менѣе 24 лѣтъ.

б) Арендатору извѣстной рѣки или бухты разрѣшать на одномъ участкѣ устройство тоней количествомъ не менѣе трехъ, такъ какъ на одной тонѣ въ 30-ти саж. рѣчкѣ нельзя разсчитывать окупить затраты промысла.

в) Разстояніе отъ тони до тони въ рѣкахъ допустить возможно минимальное,—$1/2$ версты и во всякомъ случаѣ не болѣе 1 версты, такъ какъ въ 5-тиверстномъ разстояніи отъ устья, рыба ловится уже лощалая, т.-е. мало пригодная для дѣла.

г) Установить такія правила, кои служили бы опредѣленнымъ положеніемъ для предпринимателя, *на весь* арендный срокъ, а отнюдь не подчинять *его будущимъ* правиламъ.

д) На первыя 12 лѣтъ допустить на промыслахъ въ качествѣ рабочихъ, помимо техниковъ и мастеровъ, 20% иностранцевъ, въ послѣдующій же 12-тилѣтній срокъ, когда дѣло разовьется и окрѣпнетъ, можно оставить 10%, т.-е. то число, какое допускается въ настоящее время (3 челов. на участкѣ съ 30-ю рабочими).

е) Рыбу и рыбные продукты, вывозимые на европейскіе рынки или на рынки внутренней Россіи въ свѣже-замороженномъ видѣ (въ пароходахъ рефрижираторахъ), или въ семговомъ посолѣ, или въ консервахъ, или вообще въ приготовленіи, отвѣчающемъ упомянутымъ рынкамъ, исключая японскаго сухого посола и тука,—на первыя 6 лѣтъ аренды освободить отъ всякой попудной платы и какой бы то ни было аренды, въ послѣдующія же 6 лѣтъ взимать 5-копеечный попудный сборъ, а въ послѣдующія 12 лѣтъ взимать не болѣе 10 коп. съ пуда, причемъ не устанавливая никакихъ другихъ сборовъ или арендныхъ платъ.

Такъ какъ Камчатка близка къ Японіи, далека отъ русскаго предпринимателя, то не слѣдуетъ опасаться за предоставленіе означенныхъ льготъ.

и 5) Обратить вниманіе на устройство желѣзнодорожнаго пути по западному побережью, съ выходомъ въ *Петропавловскую* гавань, а также принять къ свѣдѣнію неспокойный рейдъ *Устъ-Камчатскаго* залива и, если возможно, устроить и тамъ нѣчто въ родѣ мола.

Первые четыре пункта несомнѣнно легче осуществимы. Но Камчатка, съ чудной *Петропавловской* бухтой и со своимъ богатствомъ займетъ надлежащее положеніе лишь только при осуществленіи послѣдняго проекта.

Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, томъ XLIV, вып. V-й. 1908 г.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. остр., 5 лин., 28.

(298)